

**МОБИЛИЗАЦИЯ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВАХ: МЕЖДУ
ИМПЕРАТИВАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ И УГРОЗАМИ ДЕМОДЕРНИЗАЦИИ****№2(10) 2018****Содержание**

Павел Кутуев и Сергей Чолий	МОБИЛИЗАЦИЯ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВАХ: МЕЖДУ ИМПЕРАТИВАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ И УГРОЗАМИ ДЕМОДЕРНИЗАЦИИ	4
Сергей Чолий	ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИДЕОЛОГИИ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АРМИЙ В (ВОСТОЧНОЙ) ЕВРОПЕ	27
Максим Енин	ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И ЦЕННОСТНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ПАТРИОТИЗМА УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА МОДЕРИРОВАННЫХ ГРУППОВЫХ ДИСКУССИЙ)	29
Андрей Багинский	МОБИЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНФЛИКТЕ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И РЕСУРСЫ ПОСТРОЕНИЯ МИРА	31
Денис Кирюхин	НЕРАВЕНСТВО И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ	33
Эка Дарбаидзе	ПОЛИТИКА ПАРТИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РОСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖЕНЩИН В ГРУЗИИ	79
Игорь Срибняк	НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ И СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЛАГЕРЕ ИНТЕРНИРОВАННЫХ ВОЙСК УНР СТШАЛКОВО (ПОЛЬЩА) В 1921-1922 гг.: ФОРМЫ И МЕТОДЫ	82

МОБИЛИЗАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕЖДУ ИМПЕРАТИВАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ И УГРОЗАМИ ДЕМОДЕРНИЗАЦИИ

Павел Кутуев

Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского

ORCID: 0000-0002-6997-6306

Сергей Чолий

Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского

ORCID: 0000-0003-0693-160X

«Свихнулся век»

Гамлет(1.5.188)

Осенью 2014 кафедра социологии Киевского политехнического института имени Игоря Сикорского провела конференцию, основной темой которой было столетие начала Первой мировой войны. Это академическое мероприятие не свелось к простому упражнению в сфере использования исследовательского воображения, заключенного в ловушке университетской «башни из слоновой кости». В трагической шекспировской манере 2014 год стал чем-то гораздо большим нежели время воспоминаний о давно ушедшей эпохе кровопролития и жестокой вражды. В течение этого года мы стали свидетелями оккупации Крыма

Российской Федерацией и начала незатухающего вооруженного конфликта в украинском Донбассе.

Формальное окончание Первой мировой войны в 1918 году не принесло мира Европе. После 11 ноября 1918 продолжились всплески глобальной турбулентности, насилия и депрессии, не виданные в предыдущей истории человечества. Вместо прочного мира, Компьенское перемирие дало начало новому этапу Второй тридцатилетней войны.

Схожим образом, 2018 стал не столько годом чествования годовщины окончания Первой мировой войны, сколько продолжением того, что вполне возможно станет Третьей тридцатилетней войной. Четырехлетний период (2014 – 2018) завершился, а Крым остается оккупированным, информация же о постоянных военных столкновениях по линии разграничения на Донбассе превратилась из горячих новостей в обыденность, на которую почти никто не обращает внимания.

На фоне таких событий различные аспекты мобилизации в социуме – социетальная, политическая и военная – стали важной проблемой и вызовом для ученых и политиков. Эти мобилизации происходят в глобальном масштабе во всех частях света: наиболее развитых странах (так называемом ядре), полупериферии, и периферии. Именно поэтому, а также в связи с географической локацией и общей направленностью журнала «Идеология и политика», очевидной и естественной является сосредоточенность этого выпуска на процессах мобилизации и их

влияния на модернизацию или демодернизацию¹ в постленинском контексте².

Для первого поколения исследователей модернизации, мобилизация была основой прогресса и прогрессивных изменений общества. Карл Дойч в своей классической статье «Социальная мобилизация и политическое развитие» (Deutsch, 1961) привязал этот процесс к военной истории послереволюционной Франции и немецкой «тотальной мобилизации» 1914-1918 годов. Он также выдвинул идею о том, что военный набор и военная мобилизация были предпосылкой для мобилизации социальной. Согласно его дефиниции, мобилизация – это «процесс во время которого основные кластеры старых социальных, экономических и психологических приверженностей распадаются или разрушаются, а люди начинают использовать новые модели социализации и поведения» (Deutsch, 1961: 494).

Американский социолог Дениэл Широ однажды отметил, что слишком много современных обществ не имеют доступа даже к основным благам модерна, поэтому в целом нет смысла обсуждать переход к какому-то следующему этапу, пребывающему за пределами современного социального порядка (Chiot, 2000). После «исчезновения ленинизма» (Jowitt, 1993), модернизация – наиболее актуальный вопрос для стран Восточной Европы и постсоветского пространства. Для теоретиков модернизации 1950-х годов ответ на этот вопрос был самоочевидным -

¹ Александр Эткинд и Михаил Минаков предложили замечательные реинтерпретацию и «распаковку» понятия демодернизация (Etkind & Minakov, 2018). Их изыскания стали мощным импульсом нашей трактовке этого феномена.

² Подробнее о понятии ленинизм и ленинские режимы см.: (Jowitt, 1993; Кутуев, 2016).

мобилизация была их шиболетом, и одновременно – синонимом прогресса и модернизации общества (Кутуев, 2016). В эпоху многочисленных модернов (Eisenstadt, 2004; Eisenstadt & Schluchter, 1998) и развития, определяемого как свобода (Sen, 1999), вполне логичным будет задаться вопросом: о каком типе модерна мы говорим? На современном этапе понимание модерна как евроцентричной мобилизации является концептуально устаревшим и политически вредным.

Украинский социолог Юрий Савельев недавно предложил оригинальное видение модерна, которое акцентирует инклюзию как важный индикатор этой социальной формации (Савельев, 2017; Савельев, 2018). Инклюзивное прочтение модерна ставит целый ряд вопросов перед исследователями и политиками. Савельев убежден, что модерн, а также политика модернизации и развития, должны концептуализироваться с позиций оценки создания условий для инклюзии и роста человеческих возможностей. Каким образом возможно совместить этот подход с традиционным видением модернизации, видением которое обращалось вокруг идеи развития централизованной системы власти? Само собой разумеющимся было и то, что подобный централизованный тип господства активно прибегает к использованию принуждения с целью трансформации подданных в гомогенных членов национального сообщества. В свою очередь, подразумевалось, что эти «граждане» с легкостью подвергаются мобилизации, в том числе и военной. Видение мобилизации как процесса «сверху вниз» уже довольно давно считается устаревшим на Западе и в основном

ассоциируется с процессами и институтами демодернизации. Более того, американский социолог Питер Эванс предостерегает нас об опасности институциональной монокультурности, которую он определил, как «введение образцов, основанных на идеализированных примерах англо-американских институтов, пригодность которых базируется на предположении о том, что эти институты преодолевают особенности национальных условий и культур» (Evans, 2004: 30). Несмотря на это, ЕС и международные организации (в особенности финансовые) очень часто распространяют именно такие «монокультурные» практики. Такой подход приводит к «реанимации» устаревшего евроцентризма, идея которого и заключалась в модернизации Остального (the Rest) «неразвитого мира» путем серии мобилизаций, которые эмануруются политическим центром/национальным государством.

Довольно трудно отойти от прямолинейных определений модерна с их традиционным акцентом на насильственном измерении этой формации и осуществить переход к концептуальному пониманию модерна с учетом демократических элементов. Необходимо также отметить, что «полная демократия» до сих пор является отдаленным идеалом, которым могут пользоваться лишь 5% населения мира (Economist, 2018). Мы также должны учитывать расшифровку модерна, сформулированную Аленом Туреном. Французский социолог рассматривает модерн как конфликт между Разумом и Субъектностью, иначе говоря, между дисциплиной и свободой (Touraine, 1995). Таким образом, мы не можем уже безапелляционно проповедовать ценности и добродетели мобилизации без объяснения того, какую роль *демос* играет

в этом процессе. В этом контексте необходимо отметить, что наш выпуск «Идеологии и политики» выйдет в свет после окончания действия военного положения, которое вводилось на месячный срок (26 ноября – 26 декабря 2018 года) в 10 из 23 регионов Украины. Введение военного положения не выглядит как простая случайность, ведь это решение было принято незадолго перед стартом президентской кампании. Для многих обозревателей этот шаг со стороны правящего истеблишмента был направлен на мобилизацию президентского электората, а не на усиление украинской военной мощи vis-à-vis Россия.

Статьи, отобранные для этого номера журнала, отражают широкий спектр общественнонаучных дисциплин и проблематик. Тексты специального выпуска исследуют «анатомию» следующих предметных сфер: связи между военной мобилизацией и патриотическими установками молодежи; участие женщин в политической жизни; проблем неравенства; гражданского общества и его потенциала в разрешении конфликтов, а также исторических аспектов националистической мобилизации в среде бывших военнослужащих после поражения украинского освободительного движения в 1921 году.

Сергей Чолий обсуждает развитие гражданско-военных отношений в Восточной Европе. Автор прослеживает эволюцию гражданско-военных отношений в регионе и представляет свою типологию кадрового обеспечения вооруженных сил. Эта типология включает: феодальный подход к набору армии, рекрутскую повинность (XVIII век), всеобщую воинскую обязанность (середина XIX века), и добровольное комплектование (конец XX века). После окончания Холодной войны,

развитие украинских вооруженных сил в целом соответствовало европейским трендам. Политика разоружения и конверсии последовательно воплощалась в Украине в течение 1991 – начале 2014 годов. В 2013 году принудительное комплектование вооруженных сил было отменено; в дальнейшем они должны были комплектоваться исключительно на добровольных началах.

События 2014 года привели к коренному изменению общей идеологии оборонной политики Украины. Эта трансформация была вызвана началом вооруженного конфликта на Востоке Украины и непосредственным участием в нем российской армии. Именно эти факторы и привели к немедленному возвращению принудительного комплектования вооруженных сил. Следствием стало возникновение новой парадигмы гражданско-военных отношений. В связи с тем, что угроза новой большой континентальной войны в Европе становится более реальной, принудительное комплектование вооруженных сил является необходимостью. Автор довольно оптимистично рассматривает украинский вариант развития событий как пример и для других европейских стран.

Статья Максима Енина рассматривает взаимозависимость идеологических форм и патриотических ценностей в среде украинской молодежи. Его наработки теоретически обоснованы и чрезвычайно богаты эмпирическими данными. Они основаны на анализе данных модерированных фокус-групп, проведенных автором в 2017–2018 годах. Базируясь на результатах своих исследований, Максим Енин, как и многие ученые до него, отмечает наличие значительной разницы между

гражданским и этническим национализмом. Он аргументирует в пользу гражданского национализма в контексте постсоциалистических стран. Украинская государственность сталкивается с экзистенциальными вызовами самому факту своего существования. В то же время, Украина как политическое и социетальное сообщество, должна решать вопрос модернизации своей экономики и выбора пути политического развития.

Этот набор задач и вызовов был точно описан транзитологами 1990-х годов как «перестройка корабля в открытом море» (Elster, Offe & Preuss, 1998). Такие «задачи постленинского развития» – а они нередко являются конфликтными, а порой и исключаящими друг друга – требуют от государственных менеджеров решительных действий в нестабильном окружении и при наличии ограниченной информации. Именно поэтому обращение к культивированию патриотических ценностей населения может быть одной из немногих доступных постленинской «властной элите» тактик своего выживания. Украинский опыт после 2014 года продемонстрировал то, что националистическая (в смысле Бенедикта Андерсона) или патриотическая мобилизация является обоюдоострым мечом, который с одной стороны обеспечивает рост волонтерского и добровольческого движения, а с другой – создает предпосылки для роста ультраправых настроений, и даже более того – активного применения насилия в публичной сфере.

Анализ Максима Енина в очень детализированной манере исследует всю комплексность этой проблематики, а также неопределенности постленинских трансформаций. Он справедливо отмечает присущую украинской молодежи автономную агентность.

Молодежь также демонстрирует способность критично воспринимать патриотические ценности, которые официально ей навязываются. Восемнадцатилетняя респондентка парадигматично подытожила настроения молодежи:

«...Следует разделять понятия – страна и государство. Страна – это народ, а государство – это власть. Если спросить: являюсь ли я патриотом своей страны? Да, являюсь, потому что я люблю свою страну. И я, в тоже время, ненавижу государство. Я не могу спокойно смотреть на то, что делает власть с людьми, ресурсами, со страной».

В то время, когда отдельные постсоциалистические страны могут декларировать свою сфокусированность на «постмодернистских/постматериальных» потребностях, пребывая под защитным «зонтиком» ЕС и НАТО³, такие государства как Украина находятся между молотом и наковальней. Они вынуждены бороться за свое существование как политические сообщества и независимые государства. Такая ситуация порождает набор социетальных потребностей и действий совсем другого порядка. На современном этапе Украина имеет очень ограниченные возможности для планирования собственной стратегии политического развития. Все это словно бы переносит Украину из 2018 года – эпохи многочисленных модернов и постматериальных ценностей – в 1968 год, когда Хантингтон издал свой

³ Венелин Ганев предлагает исключительно проницательный и нестандартный анализ ограничений подобной “стратегии” излишнего упования на внешние институты за счет внутренней / локальной инфраструктурной власти, которую брали на вооружение вышеупомянутые новые члены ЕС (Ganev, 2005).

труд «Политический порядок в изменяющихся обществах» (Huntington, 1968). Это мир, где социетальные и в особенности политические акторы действуют согласно рецептам шекспировского герцога Глостера, будущего короля Ричарда III:

«Я могу с улыбкой убивать..,

Я стану речь держать, как мудрый Нестор,

Обманывать хитрее, чем Улисс,

И как Синон, возьму вторую Троию;

Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;

Быстрее Протея облики сменяя,

В коварстве превзойду Макиавелли» (Генрих VI, 3: 3: 2).

Исследование Максима Енина раскрывает реальную картину того, как украинская молодежь – а именно она является основной целевой группой государственных инициатив по мобилизации населения – оценивает абстрактные (патриотизм) и приземленные (службу в вооруженных силах как элемент общей мобилизационной направленности социума).

Украинская молодежь понимает патриотизм в значении выполнения ею общественного долга. Это не предполагает автоматического желания принимать участие в призыве на военную службу. Данные Енина по результатам фокус групп демонстрируют то, что молодежь преимущественно индифферентно относится ко всем идеологическим формам патриотизма, как этнического, так и гражданского. Служба в украинских вооруженных силах является

непривлекательной и непрестижной для молодежи. Молодежь уверена, что обязательная и принудительная служба в вооруженных силах не обеспечит военного необходимыми навыками для реальной войны. Именно поэтому, по мнению опрошенных, военная служба должна стать элементом свободного выбора, а армия комплектоваться на контрактной основе. Этот взгляд только усиливается общим представлением о низком уровне подготовки персонала в вооруженных силах Украины, в противовес образцовым израильской и американской армиям. Выбор карьеры военного – наименее предпочтительный вариант для украинской молодежи, ведь такое решение не способствует улучшению жизненных перспектив. Система социальной защиты тех, кто принимал участие в боевых действиях является неэффективной. Наконец, значительная часть молодежи мыслит в категориях русской пословицы «кому война, а кому мать родная», воспринимая господствующий политический и деловой истеблишмент как циничных манипуляторов, которые используют войну как прикрытие для своего эгоистического индивидуализма и обогащения. Украинская молодежь предстает в качестве критиков и скептиков, пренебрежительно относясь к старомодным авторитарным концепциям «мобилизации сверху» и отдает предпочтение либеральным ценностям. Тем не менее, остается актуальным вопрос, на который мы должны предоставить ответ: Как нация – а нации и сегодня сохраняют свой статус главного дюркгеймовского социального факта современного политического ландшафта – может защититься от внешней агрессии и одновременно с этим осуществить рывок к европейскому модерну?

Вся эта проблематика подводит нас к другому важному концепту поборников либеральной свободы и демократии, а именно – гражданскому обществу. Статья Андрея Багинского «Мобилизация гражданского общества в конфликте на Востоке Украины: идеологические ограничения и ресурсы развития мира» посвящена рассмотрению конфликта на Донбассе в контексте процессов эволюции гражданского общества в Украине. Автор использует концепцию мобилизации Чарльза Тилли, который понимал ее как коллективное действие для концентрации ресурсов, необходимых для достижения определенной групповой цели (Tilly 1990). Багинский связывает данный подход с концепцией гибридности. Гибридность объясняет многообразие общественных и мировых форм как гибридный порядок, который сочетает в себе различные практики управления и общественного регулирования. Различные варианты социального устройства и социальные практики граничат с кажущимся «модерном». Гибридные формы, которые возникают на местах, противоречивы и трудно поддаются идентификации. Подход Багинского является чрезвычайно продуктивным для конфликтных студий, т.к. автор рассматривает проблему гибридности в контексте модерна, и пытается избежать бинарных противопоставлений «традиционный-локальный-гибридный versus современный-глобальный универсальный». Различные локальные формы могут как противоречить, так и стимулировать процесс достижения мира. Автор также берет на вооружение концепцию этоса конфликта, разработанную Даниэлем Бар-Талем и его соавторами (Bar-Tal et al., 2012) и использует ее для осмысления украинской ситуации. События на Майдане в 2013-2014 годах дали значительный импульс этосу конфликта в Украине. Багинский

прослеживает эволюцию этоса конфликта в исторической перспективе с 2000-х годов, когда киевские и донецкие политические элиты боролись между собой в сфере вопросов идентичности, государства и исторической памяти. Национальные и региональные «элиты» после первого Майдана взяли на вооружение конфликтную манеру взаимодействия, акцентируя прославление националистического движения или советского наследия соответственно. Уже существующие противоречия были усилены влиянием России, сначала путем косвенной войны в виде пропаганды, а позже – с помощью военного вмешательства в украинские дела.

Основываясь на данных интервью с ведущими украинскими гражданскими активистами, автор находит проблеск надежды для Украины в деятельности членов гражданского общества. В то же время инициативы направленные на построение гражданского общества возможно будет реализовать только при условии наличия эффективного государства, которое имеет сильную способность к действию (*strong capacity*) и способно заложить основы институциональных предпосылок для мира. Построение мира также нуждается в таких классических ренановских качествах, как воля к совместной жизни и способность как помнить, так и забывать прошлое.

Статья Дениса Кирюхина «Неравенство и ее восприятие» является убедительной интерпретацией важности неравенства в современном мире. Актуальность статьи только возросла в процессе подготовки этого номера журнала к изданию в связи с неутихающей активностью протестного движения «желтых жилетов» во Франции. Основным

мотивом этого движения является недовольство (возможно даже отвращение) существующим неравенством во французском обществе.

Такие популярные и модные в современном научном дискурсе понятия и концепты, как глобализация, либерализация, неолиберализм и другие эффективно применяются автором. Более того, он искусно вписывает ценность равенства в систему координат модерна и его надежд. Используя данные Исследования ценностей мира (World Values Survey), Кирюхин отмечает значительный спад поддержки неравенства доходов в постсоветских странах. 1990-е годы были периодом, когда лозунгом развития стала конкуренция, и, соответственно, неравенство как естественное состояние общества, которое сбрасывало с себя оковы государственного социализма и осуществляло побег к свободе. Опросы, проведенные в 2010-2014 годах, уже после окончания перехода к капитализму, который вдохновлялся рыночным большевизмом 1990-х, продемонстрировали гораздо более негативное отношение к неравенству.

Автор критически пересматривает теорию Владимира Гимпельсона и Даниэля Трейсмана о том, что существует пропасть между актуальным и осознанным неравенством (Gimpelson & Treisman, 2018). Кирюхин обогатил их подход с помощью идей Йерана Терборна и делает акцент на том, что большинство идеологий преимущественно использует три набора бинарных оппозиций: «то, что существует versus того, что не существует», «хорошее versus плохое», «возможное versus невозможное». Следовательно, феномен неравенства должен рассматриваться в контексте его легитимности или нелегитимности. Оценка существующего

неравенства как нелегитимного часто вызывает социальные протесты и нередко превращает их энергию в политическое действие. Рост популярности радикальных правых идеологий, а также антиевросоюзовских настроений, как это продемонстрировал Brexit, еще раз подчеркивает важность неравенства и его последствий для социального единства.

Осуществлённая Дональдом Трампом и контролируемым республиканцами Конгрессом США контрреволюция снижения налогов (официально это событие связано с принятием «The Act to provide for reconciliation pursuant to titles II and V of the concurrent resolution on the budget for fiscal year 2018») еще более интенсифицировала дебаты о проблематике неравенства в медиа и в академическом сообществе. В этом обновленном контексте логичным выглядит обращение автора к Терборновскому толкованию экзистенциального, жизненного и ресурсного неравенств. Первое связано с политикой идентичности, то есть достоинством и признанием, а последние два – с распределением ресурсов и жизненными шансами индивидов. Нобелевский лауреат Амартия Сен отметил в своем классическом труде «Развитие как свобода», что ожидаемая продолжительность жизни афроамериканцев, живущих в Филадельфии, гораздо ближе к уровню стран третьего мира, чем к ожидаемой продолжительности жизни белых представителей среднего класса, которые живут по соседству в том же городе (Sen, 1999). Таким образом, неравенство имеет возможность убивать, как об этом говорит Терборн. В то же время попытки побороть лишь

экзистенциальное неравенство влияет на «надстройку», при этом не затрагивая экономический «базис».

Мао Цзэдун однажды высказал мнение о том, что женщины держат на своих плечах половину неба, имея в виду, что женщины ответственны как минимум за половину деяний человечества. Невозможно рассматривать инклюзивное политическое развитие без анализа, способствуют ли эти процессы достижению гендерного баланса. Эка Дарбаидзе в своей статье «Политика партий и возможные механизмы роста политического представительства женщин в Грузии» предлагает чрезвычайно детализированный и глубокий анализ участия женщин в органах политической власти. Согласно недавнему индексу гендерного разрыва за 2018 год, достижения Грузии в этом аспекте скромные: Грузия занимает место несколько ниже среднего мирового показателя (Report, 2018).

Автор предлагает обзор основных интеллектуальных традиций, которые объясняют представительство женщин в политических институтах и причины низкого уровня этого представительства. Она сама присоединяется к новому направлению исследований, который мы можем назвать «тезис о политической автономии». В целом, этот подход сосредотачивается на важности избирательных правил для определения политических результатов. Особенно отмечается важность гендерных квот в этом процессе. Статья предоставляет читателю значительный объем информации, собранной на основе результатов глубинных интервью с политиками-женщинами и политиками-мужчинами, а также анализа грузинского избирательного законодательства. Автор полагает,

что механизмом обеспечения равенства должны стать гендерные квоты для женского представительства в политике. Такая политика имеет шансы на успех, особенно если учесть факт одобрительного отношения общественного мнения в Грузии к увеличению доли женщин в институтах, ответственных за принятие политических решений.

Игорь Срибняк фокусирует свое исследовательское внимание на теме национальной и националистической мобилизации военнопленных украинцев, которые находились в польском лагере Стшалково в течение 1921–1922 годов. После поражения украинского освободительного движения, часть бывших военнослужащих украинских армий были интернированы в Польшу. Военная борьба за украинскую независимость продолжалась в течение нескольких лет и завершилась поражением, вследствие чего среди интернированных распространялись разочарование и пессимизм. Национальные активисты организовали культурно-спортивную жизнь украинской общности лагеря и эффективно осуществили привлечение большого числа украинцев к своей активности. К средствам работы активистов автором отнесены издание прессы, организация работы художественной студии, театра, хора, спортивных секций. Важным элементом повседневной жизни стала также деятельность общественных организаций – товариществ по сбору и перераспределению средств и гуманитарной помощи, организация праздников и мероприятий. По мнению автора, ситуацию в лагере Стшалково можно считать успешным примером мобилизации национальными активистами пленных солдат в кризисный период. Именно такая мобилизация позволил сохранить военную организацию

армии УНР и облегчил адаптацию бывших комбатантов в межвоенной Польше.

Во всех статьях данного номера один актер является если не полностью отсутствующим, то по крайней мере малозаметным, а именно – государство. Это не может не интриговать, поскольку в фокусе специального выпуска журнала пребывает мобилизация. А ведь мало какая мобилизация возможна без участия государства. Подобное частичное отсутствие требует дополнительного внимания и детального объяснения. На наш взгляд такой неадекватно слабый акцент на роли государства является последствием доминирования одной партии в системе координат ленинских режимов. Ленинская партия закрепила за собой командные высоты как институционально, так и символически. Партия подвергала государство – его военные институты в особенности – многочисленным техникам контроля, начиная от идеологического прессинга и заканчивая репрессиями. Не менее важным фактором является и то, что государствоцентрическая парадигма в общественных науках, не говоря уже об её ответвлении, которое занимается изучением государства, способствующего развитию, так и не укоренилась в постсоветских академических сообществах⁴.

Статьи, отобранные для этого специального выпуска «Идеологии и политики», предлагают «шведский стол» идей для раскрытия различных измерений мобилизации и их влияния на модернизацию/демодернизацию постсоветских «реальных обществ»⁵.

⁴ Детальный анализ государства, способствующего развитию, можно найти в (Кутуев 2016).

⁵ Наше использование термина "реальные общества" - "real societies" – базируется на предложенном Дж. Александером понятии "реальные *гражданские* общества" (см .: Alexander, 1998).

Поэтому, стоит подытожить основные изыскания этого выпуска с помощью полезного трюизма о противоречивой природе социальных изменений. Изменения, которые несет с собой модернизация, не являются исключением. Мы также должны помнить, что социальные и политические изменения не являются необратимыми. Новые институты и практики, которые появляются в обществах, вдохновляемых стремлением к модерну, являются хрупкими и могут стать жертвой процессов демодернизации. После короткого периода оптимизма, обусловленного интеграцией бывших членов социалистического лагеря в ЕС и НАТО, мы наблюдаем отступление либеральной демократии и рост ксенофобии на фоне коррупции, возвышения вождей на политической арене (Derluquian, Earle & Reno 2016: 62-86) и бездействия правительств. Все эти изменения – а скорее процессы недоразвития и упадка – диктуют необходимость интеллектуального постижения идеи модерна и его смыслов. Является ли модерн лишь случайным следствием столетий жестокой конкуренции милитаризированных государств? В таком случае суть модерна – это овладение техниками господства. Именно национальное государство и стало тем институтом, который смог наиболее эффективно установить монополию на насилие и аккумуляцию власти. Очевидно, мы говорим здесь об идеях Чарльза Тилли о развитии государства, как организованной преступности и ведения войны (Tilly, 1985: 169ff). Если мы поддерживаем этот реалистский, даже в чем-то циничный подход к феномену государства, то мы должны также согласиться, что мобилизация, часто насильственная, является квинтэссенцией модерна. Существует также альтернативное видение «незавершенного проекта

модерна» (Юрген Хабермас) как процесса, *differentia specifica* которого есть эмансипационный потенциал. В таком случае, мы должны согласиться с тем, что свобода, развитие человеческих возможностей и инклюзия являются критериями исторической системы модерна. Очевидно, что дискуссия далека от завершения и никакой отдельный выпуск журнала не способен ее исчерпать.

Пожалуй, никто лучше Софокла в его "Антигоне" не выразил природу нынешнего бурного состояния дел в регионе в контексте императивов мобилизации и их потенциала усиливать и/или тормозить модернизацию, трансформируя обещания модерна в практики демодернизации:

«Мы не должны ни горькой, ни счастливой

Жизнь человека называть — до смерти.

Вот счастья баловень — вот горя сын —

И что ж? Случайность манием единым

Того низвергнет, этого возвысит,

А как — того не скажет и пророк» (Софокл, Антигона: 1155–1160).

Библиография

Alexander, Jeffrey (ed.) (1998) *Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization*. Oxford: University Press.

Bar-Tal, Daniel, Halperin, Eran, Sharvit, Keren, Zafran, Anat (2012) *Peace and Conflict. Journal of Peace Psychology*, Vol. 18, No. 1, 40-61.

Chirot, Daniel (2000) Why Must There Be a Last Cycle? The Prognosis for the World Capitalist System and a Prescription for its Diagnosis, Derluquian, Georgi M. & Greer, Scott L. (Ed.) *Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System*. Westport: Greenwood Press, 2000, 69–84.

Derluquian, Georgi, Earle, Timothy & Reno, Will (2016) Taming the Chief: From Evolutionary Theory to Political Ideology, Schroeder, Ralph (Ed.) *Global Powers: Michael Mann's Anatomy of the Twentieth Century and Beyond*. Cambridge University Press, 62-86.

Democracy continues its disturbing retreat, *The Economist*, 2018, January 31st

Deutsch, Carl (1961) Social Mobilization and Political Development, *The American Political Science Review*, Vol. 55, No. 3, 493-514.

Eisenstadt, Schmuel (2004) Pluralism and the Multiple Forms of Modernity: An Interview. Interviewed by Gerard Delanty, *European Journal of Social Theory*. Vol. 7, No. 3, 391–404.

Eisenstadt Schmuel & Schluchter, Wolfgang (1998) Introduction: Paths to Early Modernities, *Daedalus*. Vol. 127, No. 3, 1–18.

Elster, Jon, Offe, Claus & Preuss, Ulrich K. (1998) *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: University Press.

Etkind, Alexander & Minakov, Mikhail (2018) Post-Soviet Transit and Demodernization, *Ideology and Politics*, No. 1, 4-13.

- Evans, Peter (2004) Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and the Potentials of Deliberation, *Studies in Comparative International Development*. December 2004, Volume 38, No. 4, 30–52.
- Ganev, Venelin (2005) Post-communism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective, *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 38, No. 4, 425-445.
- Gimpelson, Vladimir and Treisman, Daniel (2018) Misperceiving inequality, *Economy and Politics*. Vol. 30, Issue 1, 27–54).
- The Global Gender Gap Report 2018*. Cologne/Geveva: The World Economic Forum.
- Huntington, Samuel (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Jowitt, Ken (1993) *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press.
- Sen, Amartya (1999) *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Tilly, Charles (1985) State Making and War Making as Organized Crime. Evans, Peter, Rueschemeyer, Dietrich & Skocpol, Theda. *Bringing the State Back In*. Cambridge-NY: Cambridge University Press, 169–191.
- Tilly, Charles (1990). *Coercion, Capital, and European states AD 990-1990*. Cambridge: Basil Blackwell.
- Touraine, Alain (1995). *Critique of Modernity*. Oxford: Blackwell.

Кутуєв, Павло (2016) *Трансформації модерну: інституції, ідеї, ідеології*. Херсон: Видавничий дім «Гельветика».

Савельєв, Юрій (2017) *Багатовимірна сучасність: соціальне включення в оцінці суспільного розвитку*. Київ: ВПЦ "Київський університет".

Савельєв, Юрій (2018) Антиномії суспільства пізнього Модерну: Східна Європа у небезпеці демодернізації, *Ідеологія і політика*, No. 1, 18-63.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИДЕОЛОГИИ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АРМИЙ В (ВОСТОЧНОЙ) ЕВРОПЕ

Сергей Чолий

Киевский Политехнический Институт имени Игоря Сикорского

ORCID: 0000-0003-0693-160X

***Аннотация.** Цель этой статьи - исследование процессов эволюции технологий кадрового обеспечения армий в Европе. Эта эволюция рассматривается в качестве периодического изменения трендов и идеологических моделей взаимоотношений государства и общества. В зависимости от исторической эпохи, методы мобилизации подвластного населения для военных нужд изменяются, а практики использования населения государством интенсифицируются. То же можно сказать и про влияние военной службы на жизнь обычных граждан. В статье отдельный акцент сделано на развитии данных процессов в Восточноевропейском регионе, и Украине в частности, которые до наших дней выделяются на общем фоне особенностями комплектования вооруженных сил. Восточноевропейский регион проанализирован в статье в качестве исключения, которое подтверждает общие тенденции в эволюции государственных идеологий комплектования вооруженных сил в мире.*

Ключевые слова: *военная служба, гражданско-военные отношения, Восточная Европа, всеобщая воинская обязанность.*

Полная версия статьи доступна на украинском языке.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И ЦЕННОСТНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ПАТРИОТИЗМА УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА МОДЕРИРОВАННЫХ ГРУППОВЫХ ДИСКУССИЙ)

Максим Енин

Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт
имени Игоря Сикорского»

ORCID: 0000-0002-3835-2429

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные идеологические формы и особенности мобилизационных практик патриотизма, выявлены его ценностные модификации в сознании украинской молодежи, факторы мотивации и демотивации участия в военной мобилизации, отношение к срочной военной службе. Статья базируется на эмпирических данных социологического исследования, проведенного автором с представителями украинской молодежи (октябрь 2017 - январь 2018) в рамках международного исследовательского проекта «Один миллион голосов - 2» и темы грантового проекта Министерства образования и науки Украины: «Совершенствование путей развития человеческого капитала как фактор повышения мобилизационного потенциала Украины».*

Ключевые слова: патриотизм, этнический и гражданский патриотизм, историческая память, идеологические формы патриотизма, мобилизационные практики патриотизма, молодежь.

Полная версия статьи доступна на украинском языке.

МОБИЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНФЛИКТЕ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И РЕСУРСЫ ПОСТРОЕНИЯ МИРА

Андрей Багинский

Национальный технический университет Украины

«Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского»

ORCID: 0000-0001-5633-4614

***Аннотация.** Исследование конфликта на Востоке Украины нуждается в расширении эвристических границ и преодолении односторонности подходов. В данной статье совершается попытка увидеть противостояние на Донбассе в контексте развития гражданского общества в Украине, учитывая установление мира как важную цель завершения конфликта. В исследовании делается предположение, что мобилизация гражданского общества может стать фактором преодоления противоречий в украинском социуме. Для понимания причин конфликта используется концепция «конфликтного этоса», в частности относительно событий на Майдане 2013-2014 гг. Поляризация общества также рассматривается в рамках более раннего периода 2000-х гг. Определяются перспективы миротворческого движения в Украине,*

учитывая точки зрения его активистов, что исследовано с помощью проведенного опроса.

Ключевые слова: мир, гражданское общество, мобилизация, конфликт, Украина.

Полная версия статьи доступна на украинском языке.

НЕРАВЕНСТВО И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ

Денис Кирюхин

Институт философии имени Г.С. Сковороды, Национальной академии наук Украины

OCRid: 0000-0002-3686-3882

Аннотация. *Рост социального неравенства, который наблюдается в наши дни в равной мере как в постсоветских странах, так и в странах либеральной демократии и развитой рыночной экономикой, связан с парадоксальной политической ситуацией. Приоритетной в политической повестке дня выступает борьба с «экзистенциальным неравенством» (Й. Терборн), при этом именно экономическое неравенство все больше воспринимается как одна из величайших угроз современным обществам и глобальному миру в целом. В работе на примере украинского общества анализируется «гипотеза Гимпельсона–Трейсмана» о несовпадении фактического и воспринимаемого неравенств. Демонстрируется, что доработка этой гипотезы позволяет предложить на ее основе объяснение указанного парадокса, а именно того, почему в ситуации роста социального неравенства мы являемся свидетелями не «левого», а «право-популистского» политического поворота.*

Ключевые слова: *неравенство, постсоветские страны, Украина, либерализм, демократия.*

Конец прошлого века, а конкретно – 1980-90-е годы, отличало повсеместное снижение интереса к вопросу экономического (имущественного) равенства. Крах социалистических режимов в Европе и принятие Китаем принципов рыночной экономики породили скептицизм, особенно заметный в постсоветских странах, в отношении того, что равенство может выступать в качестве нормативного идеала социально-экономического развития, и, как следствие, признание необходимости обеспечения именно правового равенства граждан как ориентира для трансформирующихся постсоветских обществ. В результате даже у европейских левых политиков и интеллектуалов произошла постепенная переориентация с проблемы имущественного равенства (или приемлемых форм неравенства) на проблемы (не)равенства гражданских и политических свобод, а при оценках трансформирующихся обществ, таких, каким является украинское, (и в тех случаях, когда мы говорим о транзитивной справедливости как предпосылке либерально-демократических преобразований) именно критерий свободы, а не равенства преимущественно рассматривается как ключевой. Если говорить о социально-экономических проблемах этих (то есть трансформирующихся) обществ, то главным стал вопрос обеспечения экономического роста, а проблема справедливого распределения, как подразумевалось, будет в конечном счете решена при условии работы демократических политических институтов, иными словами, что эффективно функционирующие рынок и демократические практики

обеспечат реализацию принципов социальной справедливости. Но сегодня этот идеализм, а такие убеждения сложно охарактеризовать иначе, испытывается на прочность.

После масштабного мирового финансового кризиса, потрясшего наиболее развитые экономики мира в 2008-2009 годах, проблема равенства, а если быть более точным – проблема неравенства, является одной из наиболее значимых в том числе и для стран с рыночной экономикой. Так что вопросы имущественного равенства и неравенства вновь, как на протяжении почти всего XX века, оказались в центре общественного внимания. В последние годы мы наблюдаем настоящий всплеск интереса к этим вопросам в экспертной и академической среде в работах политических и социальных философов, экономистов и историков, политиков и общественных деятелей. Не случайно, согласно опросу Pew Research Center, проведенного в 2014 году в США и ЕС, именно неравенство было определено респондентами в качестве «наибольшей опасности для мира» (Atkinson, 2015, p. 1). Тема социального неравенства стала одной из ключевых и на Всемирном конгрессе международной социологической ассоциации в 2014 году в Йокогаме (тема конгресса так и звучала – «Перед лицом неравенства») и ежегодной конференции Американской ассоциации политических наук в 2016 году в Филадельфии (тема встречи звучала как «Великие трансформации: политическая наука и главные вопросы нашего времени»). Весьма примечательно так же, что первый номер за 2016 год влиятельного журнала «Foreign Affairs» оказался целиком посвящен

проблеме неравенства (в качестве ключевых были сформулированы вопросы: Каковы причины неравенства? В чем его суть? Что мы должны делать?), а современная эпоха в редакторской статье Гидеона Роуза была охарактеризована как «век Пикетти» (имеется в виду автор «Капитала в XXI веке» Томас Пикетти, посвятивший свою книгу исследованию экономического неравенства).

Сложно однозначно сказать, что стало главным импульсом возобновления интереса к проблеме равенства/неравенства в наши дни. Только ли это экономический кризис, стимулировавший развитие остро поставивших проблему социального и политического равенства общественных движений, названных П. Розанвалонем контрдемократическими, (таких, например, как Occupy Wall Street), отражающих протест так называемого «молчаливого большинства» демократических западных обществ против невозможности в рамках действующих политических институтов оказывать влияние на принимаемые элитой решения? К слову, экономический кризис оказал существенное влияние на «отрезвление» от либеральных иллюзий еще и в том отношении, что как оказалось, он наиболее существенно отразился на имущественном положении наименее обеспеченных слоев населения и среднего класса, тогда как финансисты, чья спекулятивная активность, собственно, этот кризис и спровоцировала, сумели относительно безболезненно его пережить⁶. Или же главными

⁶ Следует признать, что среди экономистов нет согласия по вопросу о влиянии на ситуацию с неравенством кризиса 2008-2009 годов. Так, согласно одной из точек зрения, этот кризис не привел к увеличению неравенства, поскольку существенно упали и доходы с капитала (см.: Eißel, Rokicka, Leaman (eds), 2014, P.38). Противоположной позиции придерживается Дж.Стиглиц, по мнению которого наиболее обеспеченные, не без государственной поддержки, довольно быстро восстановили свои позиции на рынке, тогда как пострадавшими в итоге оказались бедные и представители среднего

были процессы глобализации, отчетливо продемонстрировавшие глобальное неравенство возможностей (см.: Milanovic, 2012), стимулировав критику так называемыми государствами «третьего мира» несправедливости глобального миропорядка и развитие различных анти- и альтерглобалистских движений и инициатив. Но скорее, было бы неверно выделять какой-то один из указанных факторов в качестве определяющего. Неравенство межстрановое и неравенство на уровне локальном, то есть в конкретных государствах, сосуществуют параллельно и хотя и тесно связаны между собой, тем не менее их нельзя рассматривать как одно явление.

Показательна в этом отношении позиция, которая представлена в аналитическом докладе «Мы разделены: Почему неравенство продолжает расти», подготовленном в 2011 году Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Прежде всего, авторы доклада указывают на то, что «разрыв между богатыми и бедными возрастает в большинстве стран-членов ОЭСР», а это, как известно, страны с либеральной рыночной экономикой, и что в наши дни «неравенство стало всеобщим поводом для беспокойства – как для тех, кто принимает решения, так и для общества в целом» (OECD, 2011, p. 17)⁷. Рассматривая причины роста неравенства, исследователи

класса, средний доход которых за период с 2007 по 2010 год снизился почти на 40% (Stiglitz, 2012, P.XII), что позволяет говорить о росте неравенства в результате кризиса. Принимая во внимание исследования Э.Аткинсона, Б.Милановича и Т.Пикетти, позиция Дж.Стиглица представляется более обоснованной.

⁷ Как отмечается в докладе, в развитых экономиках средний доход 10% наиболее обеспеченных примерно в девять раз выше, чем у 10% наиболее бедных, при этом что ситуация в США и Израиле еще хуже. Негативная тенденция наблюдается и в таких относительно эгалитарных странах как Германия, Дания и Швеция. И только в двух странах-членах ОЭСР – Чили и Мексике – неравенство несколько упало в последнее время, «хотя самые богатые в этих двух странах все еще имеют в 25 раз более высокие доходы, чем самые бедные» (ibid., p.17).

приходят к выводу, что, как ни странно, глобализация оказала небольшое влияние на доходы и тенденции в сфере занятости. Заметно большее влияние оказали реформы, направленные на усиление конкуренции на рынке товаров и услуг и увеличение адаптивности рынка труда (а отсюда и нарастание разрыва в оплате труда), так же росту неравенства в доходах способствовало распространение практики заключения атипичных трудовых договоров и занятости на неполный рабочий день, наконец, в докладе отмечается, что постепенно более неравным становится распределение доходов, не связанных с оплатой труда, а налоговая система во многих странах становится все менее перераспределительной (*ibid.*, p. 28-40). Иными словами, приведенные данные – а нужно сказать, что не только эксперты ОЭСР говорят о негативной ситуации с равенством в мире, об этом свидетельствуют и данные исследований, проводимых Всемирным научно-исследовательским институтом экономики развития при Университете ООН и Института статистики ЮНЕСКО (концентрируется на проблемах неравенства в сфере доступа к образованию) и, наконец, Всемирного банка⁸ – являются дополнительным подтверждением правоты выводов Т. Пикетти, К. Крауча, И. Валлерстайна, З. Баумана и других исследователей,

⁸ Справедливости ради необходимо отметить, что по данным аналитика Всемирного банка Ч. Ланкера, в 2000-е годы неравенство в мире снизилось впервые со времен Промышленной революции, хотя при этом им и признается, что доходы верхней децили в странах Азии росли быстрее, чем нижней (См.: Lanker, 2016). Схожую позицию занимает и Бранко Миланович, так же являющийся экспертом Всемирного банка. В своей опубликованной недавно и получившей уже достаточно много откликов книге «Глобальное неравенство. Новый подход к эпохе глобализации», он указывает на то, что в мировом масштабе неравенство демонстрирует тенденцию к снижению, но при этом отмечает так же тот факт, что на локальном уровне, особенно в странах с высоким уровнем доходов, неравенство, наоборот, возрастает (Milanovic, 2016).

показывающих, что убеждение, будто «вздымающаяся волна прибоа поднимет все лодки», безосновательно и на его основе нельзя формулировать политическую и экономическую политику, рассчитывая при этом избежать угроз, которые несет неравенство. То есть, вопреки остающейся влиятельной гипотезе Саймона Кузнеца, в значительной степени идеологически мотивированной, что по мере роста экономики неравенство доходов начнет постепенно снижаться (проиллюстрированное знаменитой «кривой Кузнеца»), на практике экономический рост – доказательством этого тезиса как раз и стала упомянутая работа Т. Пикетти – не привел к сокращению имущественного неравенства, да и не мог этого сделать, а, скорее, во многих случаях только стимулировал его. В результате под ударом оказались как социальные, так и политические права граждан, что обострило конфликты по вопросу неравенства, но, как точно отмечает Р. Инглехарт, уже не классовые, а между «крошечной элитой и большинством граждан» (Inglehart, 2016, p. 4).

Неравенство в современном мире описано достаточно подробно в целом ряде исследований и отчетов влиятельных международных организаций, повторять которые в данном случае не имеет смысла. Для прояснения масштабности рассматриваемой нами проблемы неравенства, лишь достаточно указать только на несколько важных моментов.

Прежде всего, как свидетельствуют данные анализа распределения доходов, представленные в рамках круглого стола, проводимого Конференцией ООН по развитию и торговле (ЮНКТАД) в

2000 году, 80-е и 90-е годы XX века ознаменовались ростом неравенства по всему миру и, в частности, в развитых странах (в докладе в качестве таковых выделяются члены ОЭСР) и странах Восточной Европы. Согласно исследованию, только в одной экономически развитой стране за указанный период происходило снижение неравенства, в отличие от стран Восточной Европы, где такого снижения не наблюдалось нигде. В связи с этим делается вывод, что «росту неравенства в последние годы в равной степени были подвержены как страны с высоким, так и страны с низким уровнем [экономического] развития» (Stewart, 2000). Показательно, что обращаясь к причинам роста неравенства доходов, автор цитируемого доклада Ф. Стюарт, выделяет следующие: либерализацию торговли, технологические изменения, которые способствовали повышению спроса на высокооплачиваемую квалифицированную рабочую силу, отмену или снижение минимальной заработной платы, «переход от коммунизма к капитализму» (рост неравенства в Восточной Европе был одним из самых высоких и быстрых), «изменение функционального распределения доходов» (речь идет, в частности, о снижении доли заработной платы в доходах), процессы глобализации в целом, которые уменьшили влияние труда и увеличили влияние капитала (ibid., p. 16–18)⁹. Иными словами, Стюарт констатирует очевидный для многих факт,

⁹ В вопросе роли глобализации выводы Стюарта противоречат позиции, представленной в упомянутом ранее докладе ОЭСР, но в целом эти доклады не противоречат друг другу. С другой стороны, следует упомянуть, что один из наиболее влиятельных современных социологов, занимающихся проблемой неравенства, Й.Терборн, подобно Стюарту, как раз уделяет достаточно большое внимание исследованию влияния процессов глобализации на неравенство внутри государств, и говорит о тесном, а точнее, глобальном, переплетении национального и глобального. Как показывает Терборн: «Глобальность влияет на национальный уровень определения человеческих возможностей с трех сторон: со стороны глобальной истории, глобального распространения и глобальных обязательств. Все

что, в частности, ограничение государственного влияния на сферу доходов и их распределения, происходящее с начала 1980-х годов под влиянием процессов глобализации, экономических и идеологических, как в Восточной Европе, трансформаций, своим следствием имеет повсеместный рост неравенства. Впрочем, возможности такого развития событий не отрицается и либеральными экономистами «школы Кузнецца», которые при этом высказывают надежды на то, что с ростом экономического развития начнет уменьшаться и неравенство. Реальность, как мы могли убедиться, эти надежды опровергает.

Работы Т. Пикетти и Б. Милановича (кроме уже упомянутой работы, см. также: Milanović, 2012) о глобальном неравенстве, недавние исследования ЮНКТАД, свидетельствуют о том, что тенденции, намеченные в начале 1980-х годов, сохранились. В частности, в записке секретариата ЮНКТАД, посвященной методам борьбы с неравенством с помощью торговли, которая была представлена в 2014 году, указывается: нынешняя модель распределения доходов «отличается крайне высоким уровнем неравенства как между странами, так и внутри них», и если не брать в расчет Китай, чей экономический рост позволил несколько снизиться межстрановому неравенству, то можно увидеть, что неравенство между странами сегодня превышает уровень 1980 года, равным образом «неравенство в распределении личных

современные национальные государства, экономики и общества населялись, развивали свою культуру, обретали границы... в результате воздействия над-национальных сил и процессов» (Тербонг, 2005, с. 41). При этом Тербонг указывает и на то, что прямой значимой корреляции между участием в международной торговле и масштабами неравенства внутри страны не наблюдается (там же, с. 47).

доходов возросло в большинстве развитых стран с 1980 по 2010 год» (UNCTAD, 2014).

Осознание роста неравенства ставит задачу поиска путей преодоления этой негативной тенденции. Интересна в этом отношении позиция, которая представлена в цитированном выше докладе ЮНКТАД, в котором, на основе анализа опыта различных стран мира, утверждается, что высокая степень неравенства оказывает крайне негативное влияние на экономический рост, что «равенство и мощный экономический рост совместимы» (ibid., p. 11). Этот вывод, противоречащий все еще достаточно влиятельной либеральной установке, свидетельствует о постепенной трансформации отношения к проблеме неравенства не только на экспертном и академическом уровне (существенное влияние тут оказал, без сомнения Пикетти), но и на уровне экспертов таких влиятельных международных организаций как ООН. Данные изменения в подходах наиболее заметны в тех рекомендациях по борьбе с неравенством, которые предлагаются в докладе ЮНКТАД. В частности, для развивающихся стран рекомендуется ограничение притока спекулятивного иностранного капитала, жесткий контроль над движением капитала, стимулирование роста трудовых доходов и упор на внутренние ресурсы, что означает максимальное ограничение процессов по либерализации торговли (ibid., p. 12-14), к которой подталкивают эти страны глобальные экономические процессы. Окажутся ли данные меры эффективными – покажет время. Тем более что, очевидно, далеко не все правительства не только развитых, но и развивающихся стран готовы их

реализовывать, рассчитывая, вероятно, что сопровождающее рост неравенства социальное напряжение в конечном итоге окажется не настолько значительным, чтобы его можно было принимать во внимание при разработке и реализации экономической политики. И действительно, о чем будет говориться ниже, определенные основания для такого «оптимизма» существуют. А кроме того, только лишь экономическими мерами проблему неравенства не решить. Экономисты, которых мы по преимуществу до данного момента упоминали, рассматривают неравенство прежде всего как неравенство доходов либо имущества. И только с помощью категориального аппарата экономической науки ее описать и понять не представляется возможным. Так, к примеру, неравенство в сфере образования – обеспечение равенства возможностей в которой, согласно Пикетти, является важнейшей задачей современного социального государства, поскольку распространение знаний, в конце концов, позитивно сказывается на снижении неравенства – связано не только с экономической ситуацией, сложившейся в конкретном государстве, и проводимой властями политикой перераспределения доходов, но и, как показывают исследования ЮНЕСКО, с практиками социальной инклюзии, культурно-национальной дифференциацией общества, особенностями политических институтов и так далее. Для измерения меры неравенства в образовании эксперты ЮНЕСКО используют Индекс паритетности (Parity index), который позволяет описывать ситуацию в диапазоне от 0 (ситуация полного неравенства за счет

одной из социальных групп) до 1 (состояние паритета)¹⁰. Как можно увидеть, тогда как Индекс Джини отражает статистический показатель распределения доходов и дает достаточно одномерное измерение неравенства, Индекс паритетности связан с определением уровня доступа к такому благу как образование среди различных социальных групп (естественно, что доступ к образованию – или неравенство в сфере образования – оказывается зависимым, кроме прочего, от особенностей национальной экономики, от материальных доходов, культурно-религиозных традиций и, во многих странах, от гендерной принадлежности) и фактически отражает систему отношений доминирования (или, наоборот, относительного паритета) одной социальной группы над другой.

И действительно, критерии, в соответствии с которыми осуществляется внутренняя дифференциация общества на различные социальные группы (сообщества), и то, как отношения между этими группами структурированы, насколько представители каждой из них имеют доступ к экономическим и властным ресурсам, как распределяется между ними общее благо, наконец, то, как структурированы отношения внутри этих сообществ, собственно, и определяет многомерную систему равенства/неравенства в рамках национальных государств, либо, когда речь идет об отношениях между государствами, систему глобального неравенства. К примеру, в СССР паритетность в доступе к образованию сочеталась с очевидным

¹⁰ Например, гендерная паритетность учеников в школах, или паритетность богатых и бедных, окончивших начальную школу (UNESCO, 2016, р. 53–55, 257). Используемый ЮНЕСКО Индикатор паритета был разработан экспертной группой ООН как один из индикаторов для Целей устойчивого развития.

политическим неравенством, когда доступ к власти, как минимум, был ограничен для тех, кто не разделял господствующую идеологию. Но невнимание исследователей к многомерному характеру неравенства зачастую приводит к тому, что при анализе советского общества пытаются описать его в целом как преимущественно эгалитарное или, как, к примеру, на самом деле неравное. Отсюда и выводы, которые делают исследователи проблемы неравенства в советском обществе, либо о том, что на протяжении семи десятилетий существования СССР обеспечивался «широкий объем социальных гарантий, выравнивающих социальные неравенства» (Медведев А.В., Горшков М.К., Красин Ю.А., ред., 2007, с. 89), либо же, после выделения различных форм неравенства в СССР (скрытое, явное, полукриминальное), о том, что «идеологическое отрицание неравенства (в СССР. – Д.К.) обусловило соответствующее укоренение его отсутствия и в массовом сознании» (Либанова, 2014, с. 8–9). Такие выводы в значительной мере оправданы, но явно не являются исчерпывающими. Достаточно вспомнить и неравенство в доступе к некоторым социальным благам, и массовые демократические движения в Советском Союзе конца 80-х годов, которые выступали не за равный доступ, например, к сфере образования, а за политическое равенство (многопартийность, отказ от идеологической диктатуры и так далее), то есть выступали за равенство в той сфере, отсутствие неравенства в которой значительной части общества уже не признавалось, не смотря на всю идеологическую пропаганду, чтобы понять, что на самом деле советское общество представляло собой особый порядок (термин Й. Терборна) равенств/неравенств, не сводимый к одной характеристике.

Находящийся под несомненным влиянием идей М. Уолцера, а также П. Бурдые, Терборн точно определяет: «формы неравенства могут быть дифференцированы в соответствии с количеством социальных перегородок (closures), а также в соответствии с тем, являются ли эти перегородки преимущественно вертикальными, разграничивающими низших и высших, либо они, скорее, отделяют тех, кто внутри данной группы, от тех, кто снаружи» (Терборн, 2005, с.37). Иными словами, как указывает Терборн, неравенство (или равенство, как мы так же можем сказать) представляет собой определенный социально-культурный порядок (цит. по: Ильин, 2014, с. 190), который, добавим мы от себя, трансформируется на протяжении истории.

Таким образом, само по себе математическое выражение неравенства – например, что X имеет доход в n раз больше, чем Y, – однозначно с точки зрения статистики, но, и на это не всегда обращают внимание, может иметь разное значение в политической сфере. К примеру, политическое неравенство в СССР на протяжении долгого времени признавалось легитимным большей частью населения, и именно отказ в таком признании ознаменовал начало процесса социально-политических трансформаций советского общества. Поэтому неравенство как проблема – а фактически неравенство как таковое – возникает не тогда, когда мы неравным образом распределяем какие-то блага, а тогда, когда мы считаем такое распределение несправедливым. Или, как указывает Пикетти, «ключевой вопрос в намного большей степени касается оправдания

неравенства, а не его масштабов как такового» (Пикетти, 2015, с.263)¹¹.
Учет этого обстоятельства крайне важен для понимания проблемы неравенства и в современной Украине.

В постсоветских обществах, как и в обществах развитой либеральной экономики, неравенство, как представляется, воспринимается как некая неизбежность, не имеющая, тем не менее, необратимого характера. Причем если для тех же США или Великобритании такая ситуация обосновывается убеждением (основательно сейчас поколебленным) в том, что, как указывалось выше, богатство «просачивается» сверху вниз (так называемая система «trickle-down sales pattern»), что богатство немногих способствует развитию экономики и, в конце концов, приводит к улучшению благосостояния всех, то в развивающихся странах проблема неравенства изначально принимается как естественный ход событий, неизбежная «плата» за трансформацию¹², «плата», по убеждению многих, не столь уж и высокая, за присоединение к «элитарному клубу» развитых государств. Но проблема только в том, что тут мы сталкиваемся с двумя иллюзиями. Во-первых, с той, что только таким путем – путем, стимулирующим неравенство, – можно построить

¹¹ Французский исследователь так же отмечает: «История неравенства зависит от представлений экономических, политических и социальных агентов о том, что справедливо, а что нет» (там же, с. 39).

¹² Такая позиция формируется во многом под влиянием распространенных представлений либерально ориентированных экономистов. Яркий пример – работа В.Уотсона «Ловушка неравенства» (Watson, 2015), в которой он вступает в полемику с «волной» литературы, критикующей неравенство, поднятой после резонанса, вызванного книгой Пикетти. Уотсон обосновывает мысль, что концентрируясь на проблеме неравенства мы совершаем ошибку и попадаем в ловушку, поскольку в отличие от бедности неравенство не представляет собой проблему, оно может быть как плохим, так и хорошим, так и нейтральным, поэтому ошибочно бороться против неравенства в принципе, последствия такой борьбы могут быть хуже, чем само неравенство. В конце концов, напоминает Уотсон, «не все несчастные бедны и не все бедные несчастны» (ibid., p. XI), неравенство неизбежно и оно представляет собой не такую большую проблему, как бедность (ibid, p. 143).

развитую экономику (которая, как предполагается, в конечном итоге, это неравенство снизит), и, во-вторых, что это единственный путь модернизации общества¹³. В результате проблема неравенства хотя и является чрезвычайно чувствительной и оказывает существенное влияние на социальные и политические процессы в таких обществах, как украинское, тем не менее, как это возможно ни парадоксально на первый взгляд, она по большому счету остается на периферии общественного и экспертного внимания и, соответственно, уменьшение неравенства (проблема справедливости распределения) рассматривается как задача, подчиненная другим более значимым социально-политическим целям (национальное возрождение, либерализация экономики и под.). Причем в западной Европе наблюдается в чем-то схожая ситуация. В частности, П.Розанвалон приводит данные социологического исследования, недавно проведенного во Франции, демонстрирующего, что 90% опрошенных считает, что неравенство в доходах должно быть уменьшено, а справедливое общество должно гарантировать выполнение всех базовых потребностей граждан, таких как образование, здравоохранение, питание, жилье, но при этом 57% считает неравенство доходов неизбежным в динамично развивающейся

¹³ Эти иллюзии в целом согласуются с теми публично, как правило, не признаваемыми, убеждениями, которые, по мнению Д.Дорлинга, поддерживают несправедливость в современных демократических обществах, а именно – убеждение в эффективности элитарности (проявляющееся, например, в практиках сегрегации учащихся способных и неспособных, сразу определяя их перспективы на будущее), необходимости исключения из нормальной социальной активности (когда принимается как должное, что «новые бедные» – например, должники, – ограничены во многих возможностях), естественности предрассудков (речь идет о взаимных предрассудках у социальных групп по отношению друг к другу), оправданности жадности и неизбежности отчаяния для наименее успешных (Dorling, 2010, p. 2, 5–9).

економике (Rosanvallon, 2016, p. 16). Однако было бы ошибкой считать, что интерес к проблеме неравенства полностью отсутствует. В последнее время внимание к этой теме растет как на Западе, так и в постсоветских странах. Однако этот интерес на постсоветском пространстве и в тех же странах ОЭСР очевидно разный.

Как возникла такая ситуация, признаваемая даже зарубежными исследователями, в частности, Терборном (Терборн, 2005, с. 5), что интерес к проблеме неравенства и перераспределения доходов в посткоммунистической Европе сегодня ниже, чем в «государствах всеобщего благосостояния» Западной Европы? А, с другой стороны, и этим вопросом задаются Пикетти, Крауч, Тернборн и Миланович, почему ведущие в политическом и экономическом отношении страны мира более успешны в решении проблем политического, гендерного, культурного неравенства, чем неравенства доходов? Найти ответы на эти вопросы только лишь на основании данных экономической статистики не представляется возможным (а тот же Пикетти не очень убедителен, когда выходит за пределы указанных данных). Необходим более комплексный подход, связанный в первую очередь с анализом практик и механизмов не столько производства, сколько легитимации неравенства. Это достаточно масштабная задача, которую вряд ли возможно исчерпывающе разрешить в данном случае. Однако, как представляется, на примере рассмотрения проблемы неравенства в Украине мы можем если и не дать абсолютно исчерпывающего ответа на поставленные вопросы, то, как минимум, существенно продвинуться к их прояснению.

Описать уровень неравенства доходов в Украине¹⁴ – задача достаточно непростая. Крупные состояния и сверхдоходы в большинстве постсоветских стран остаются по преимуществу неучтенными официальной статистикой, поскольку такие страны, и Украина тут не исключение, отличаются высоким уровнем коррупции, их экономика в значительной мере находится в «тени». Поэтому наиболее вероятно, что опубликованные данные представляют лишь приблизительную картину фактического неравенства, а поскольку скрываются в первую очередь именно крупные доходы, то неравенство наверняка значительно больше, чем говорит официальная статистика. Тем не менее, даже те цифры, которые доступны, свидетельствуют о негативной и опасной для стабильности и единства украинского общества ситуации. Но весь масштаб существующей проблемы становится понятен, если принять во внимание не показатели неравенства, а то, как существующие диспропорции воспринимаются населением. Так что в нашем случае вероятная недостаточная достоверность статистики не столь уж и принципиальна.

¹⁴ Мы в настоящей работе концентрируем внимание на неравенстве именно доходов, помня при этом и об иных неравенствах, прежде всего потому, что подавляющее большинство исследований экономистов и социологов ориентировано на проблему распределения доходов и имущества и в этой сфере собрано больше всего статистических данных (как относительно самого неравенства, так и относительно его восприятия людьми), позволяющих, не смотря на существующие ограничения, достаточно наглядно увидеть особенности сложившейся сегодня в Украине ситуации. В отношении исследований других типов неравенства сделать это гораздо сложнее, поскольку в отсутствие достаточного объема статистических данных приводит к тому, что зачастую заявление о существовании равенства/неравенства в какой-то сфере распределения общественного блага во многих случаях оказывается идеологически обусловлено (в качестве примера достаточно указать на дискуссию относительно прав на свободное использование и развитие своего языка русскоязычными гражданами Украины) и связано с определенной политико-культурной моделью, на которую ориентируется исследователь.

С тем, что начавшийся в 1990-х гг. стремительный рост социального неравенства в постсоветских странах связан с политикой экономической либерализации, сопровождающейся одновременным разрушением социального государства или же значительным сокращением его возможностей, согласны даже либерально ориентированные исследователи, а не только те, кто к экономическому либерализму относится со значительной долей скепсиса. Показательно в этом отношении следующее описание причин роста неравенства: «Стремительная стратификация в прошлом эгалитарного украинского общества произошла уже в начале 1990-х годов, когда резкая смена условий хозяйствования и масштабная приватизация привели к концентрации ресурсов и национального богатства относительно немногочисленной группы при обнищании и низкооплачиваемой занятости большей части населения», и «в Украине проблема неравенства в значительной мере связана с ошибками государственной политики и неэффективным продвижением реформ» (Лібанова, ред., 2012, с.5 , 11). Как видим, исследователями не ставится под вопрос сама направленность реформ, огорчают лишь совершенные при их реализации ошибки. Оправдана ли такая позиция – предмет отдельного исследования, что не входит в нашу задачу. Впрочем, нельзя не указать на противоречия между представлением о том, что такой ошибкой является, в частности, прогрессивное налогообложение, названное в цитируемом исследовании популистской мерой (там само, с. 11), и данными, которые приводит Пикетти. Последний, в частности, доказывает, и это одна из главных идей в его книге, что именно прогрессивное налогообложение способствует преодолению

неравенства. К примеру, начиная с 1980-х гг., когда, по словам автора «Капитала в XXI веке», была совершена «консервативная революция», англосаксонские страны стали менять свою налоговую политику, снизив верхнюю ставку подоходного налога, в результате чего последняя сократилась с 80 – 90% (в 1930 – 1980-е годы) до 30 – 40% (в 1980 – 2010-е годы), что стимулировало резкий рост неравенства доходов, так что «в тех странах, которые больше всего снизили верхнюю ставку, самые высокие доходы – прежде всего вознаграждения руководителей крупных компаний – выросли в наибольшей степени; напротив, в странах, где верхняя ставка снизилась немного, высокие доходы увеличились гораздо меньше» (Пикетти, 2015, с. 511–512). Поэтому можно сделать вывод, что крайне негативная социально-экономическая ситуация, в которой оказалась сегодня Украина, отнюдь не просто результат ошибок, которые, без сомнения, были. Дополнительным подтверждением этого могут служить рекомендации по экономической политике для развивающихся стран, разработанные экспертами ООН, о которых мы упоминали ранее, показывающие, что политика, проводимая во многих постсоветских странах с начала 90-х годов XX века не могла не стимулировать стремительного социального расслоения.

Согласно результатам моделирования, осуществленного сотрудниками Института демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи НАН Украины, значение коэффициента Джини для Украины превышает 45% (0,45), «хотя в странах Еврозоны оно находится на уровне 20–25%» (Лібанова, ред., 2012, с.30), что

свидетельствует о крайне высоком уровне неравенства, гораздо более высоком, чем в странах Восточной Европы, уровне неравенства, который ставит Украину в один ряд с такими странами как Мексика и Чили, и который, по оценкам экспертов Всемирного Банка, начинает препятствовать экономическому росту и позитивным преобразованиям институтов (См.: World Bank)¹⁵. Примечательно, что рассчитанный показатель фактически в два раза выше, чем индекс Джини, который в отношении Украины приводит Всемирный Банк, согласно данным которого он составляет 0,24 (в то время как по данным, которые приводит Университет ООН, индекс Джини в Украине не снижался ниже 0,31) (См.: Gini Index; WIID). Как представляется, это различие не свидетельствует об ошибочности расчетов украинских исследователей, а выступает доказательством высказанного нами предположения, что адекватный анализ неравенства в Украине требует учета скрываемых высоких доходов, которые не отображаются официальной статистикой.

Даже периоды относительного экономического роста в Украине не способствовали кардинальному снижению неравенства, рост доходов только стимулировал рост неравенства, что объясняется не столько высокой коррумпированностью политической системы, как может показаться на первый взгляд (хотя и влияние коррупции нельзя недооценивать), но, по нашему мнению, системными проблемами существующих в рамках действующей экономической модели

¹⁵ В докладе прямо указывается, что в случае высокого уровня политического и экономического неравенства, «общество в целом, вероятнее всего, становится неэффективным и упускает возможности для инноваций и инвестиций» (ibid, p.20. Как указывает российский экономист, занимающийся проблемой неравенства, А.Ю. Шевяков, речь в данном случае идет о показателе Джини выше 0,4, после достижения которого неравенство начинает препятствовать экономическому росту: Шевяков, 2011, с.20).

механизмов распределения и перераспределения. Ведь, как указывается в докладе Всемирного банка, «высокие уровни экономического и политического неравенства, как правило, ведут к [формированию] экономических институтов и социальных механизмов, которые систематически отстаивают интересы наиболее влиятельных. Такие несправедливые (inequitable) институты могут дорого обходиться экономике», поскольку в этом случае «личные и имущественные права реализуются избирательно.., бюджетные ассигнования приносят выгоду в основном наиболее политически влиятельным, предпочтения при распределении общественных услуг отдается богатым, а таланты среднего класса и бедных групп остаются невостребованными» (World Bank, p. 2). Так что украинская ситуация не является уникальной, а, скорее, отражает общие тенденции, характерные для развивающихся, либо трансформирующихся, стран, в нашем случае – посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы.

В этом отношении интересный источник информации представляют собой данные лонгитюдного социологического исследования World Values Survey (См.: World Values Survey), которое изучает мнения населения различных стран мира, в том числе и их отношение к неравенству доходов. Респондентов на протяжении нескольких волн исследования просили выразить свое отношение к двум противоположным высказываниям: «Доходы должны быть более равными» и «Большие различия в доходах необходимы как стимулы для индивидуальных усилий». Опрашиваемые определяли свое

отношение по шкале от 1 до 10, где 1 – это полное согласие с первым высказыванием, а 10 – со вторым. Соответственно, если средний показатель ответов по стране больше 5, то можно говорить о доминирующем признании необходимости неравенства как стимула для индивидуальных усилий, то есть о либеральной установке, если меньше – о большей ориентации на равенство.

Чтобы понять динамику изменения отношения к неравенству доходов в разных странах, мы сравнили средние показатели ответов с помощью Independent Sample T-test¹⁶ по двум волнам исследования: 1995 – 1999 годов (после краха социалистической системы) и 2010 – 2014 годов (в период и после кризиса 2008-2009 годов). К сожалению, далеко не во всех потенциально интересующих нас странах на протяжении 1990-х – 2000-х годов проводились опросы. Поэтому мы остановили свой выбор на странах, по которым такое сравнение можно провести, а среди них – выбрали те, которые до 1990-х годов были с социалистической плановой экономикой (Украина, Польша, Россия, Беларусь), и такие страны с либеральной рыночной экономикой как США, Южная Корея и Швеция.

Таблица 1. Срединные показатели ответов

Страны	1995-1999	2010-2014	Значимость различия (различие есть, если значение меньше 0.05)
Беларусь	6.63	4.88	,000
Польша	6.71	6.32	,002
Россия	6.46	3.35	,000

¹⁶ Автор выражает благодарность консультанту Киевского международного института социологии Евгению Большову за профессиональные советы и помощь в проведении Independent Sample T-test.

США	5.44	5.54	,227
Украина	6.67	3.48	,000
Швеция	5.92	4.99	,000
Южная Корея	6.67	6.39	,008

Как видно из таблицы, в США позиция людей осталась неизменной, как и, фактически, в Южной Корее, в то время как в Швеции, но несколько меньше в Польше, заметен формирующийся запрос на большее равенство, вероятно, связанный с кризисом государства всеобщего благосостояния (welfare state), наблюдаемом сегодня в европейских странах. Однако в целом в указанных странах доминирующим осталось признание неравенства.

А вот в Беларуси, России и Украине ситуация изменилась кардинально. 90-е годы прошлого века – время «либерального радикализма» – отмечены настолько высокой убежденностью в том, что свободный рынок обеспечит в итоге приемлемое неравенство, что на постсоветском пространстве оказались более лояльны к текущим проявлениям неравенства, чем, к примеру, в США. Но через десять лет мы видим прямо противоположную ситуацию – общественные настроения сместились в сторону поддержки равенства.

Вероятнее всего, причина столь разительной перемены кроется в стремительном росте социального расслоения в этих странах. Возрастание неравенства на фоне экономического роста, которое наблюдалось в период с конца 1990-х до начала 2010-х годов, породило запрос на социальную справедливость. Причем было бы неверно делать вывод, будто мы наблюдаем своеобразный ценностный и нормативный регресс указанных постсоветских стран, желание

вернуться в советское прошлое. Ситуация несколько сложнее. Выскажем предположение, что речь идет именно об апелляции к политическому идеалу, который хоть и сформировался в своей основе в советские времена, но вряд ли может считаться именно «советским», поскольку ориентируется на значительно большие политическую и экономическую свободы, более толерантное отношение к частной собственности, чем предполагал политический режим СССР и даже социалистических стран Восточной Европы. Это можно увидеть на основе материалов масштабного исследовательского проект «Социальное неравенство и публичная политика», проведенного в 2006 году в России, а конкретно – представлений о справедливых и несправедливых неравенствах. Так, большинство опрошенных в качестве несправедливых определили неравенства в доходах (86% против 6% тех, кто признал существующую дифференциацию доходов справедливой), системе распределения собственности (74% против 6%) и доступе к качественному медицинскому образованию (44% против 33%), тогда как, к примеру, положение, что у одних людей больше денег, чем у других, если они имели равные возможности их заработать, было оценено большинством (64% против 16%) как справедливое (Медведев А.В., Горшков М.К., Красин Ю.А., ред., 2007, с. 93–99)¹⁷. Поэтому, как мы видим, речь не идет о запросе на возвращение в советские времена, а об эгалитаристских установках, которые, тем не менее не предусматривают ограничение личной свободы и инициативности

¹⁷ Тот факт, что большинство опрошенных согласились с утверждением, согласно которому те, кто может это себе позволить, дают лучшее образование своим детям, вероятнее всего связан с общим падением ценности образования на постсоветском пространстве.

индивидов. В этом отношении справедливым представляется вывод, к которому приходят исследователи, о том, что проблема легитимации неравенств в современных постсоветских обществах лежит не в увеличении размеров социальных трансфертов, а «в общем изменении “правил игры”» (там же, с. 104)¹⁸. Этот вывод подтверждается и данными опросов украинского общества.

Так, исследование, проведенное в 2009 году Киевским международным институтом социологии (КМИС) в рамках проекта Международной программы социального исследования (ISSP) (См.: КМИС)¹⁹, ориентированного на вопросы социального неравенства и отношения граждан к социальному расслоению, продемонстрировало, что вне зависимости от пола, возраста, образования и типа поселения, 95% украинских респондентов полностью или скорее соглашались, что в стране существует слишком большая разница в доходах, и только 16% сказали, что получают заслуженную плату. Причем, снова подчеркнем, приведенные данные следует трактовать не как формирование в украинском обществе требования возвращения уравнительного эгалитаризма советского образца, но как требование приведения неравенства в доходах в соответствии с представлениями граждан о справедливой норме неравенства. В частности, опрошенные согласны, чтобы врач и министр получали разные зарплаты, однако они выступают против того, чтобы эта (официальная) разница была «такой же, как сейчас – больше в 20 раз». Как и в российском исследовании,

¹⁸ Естественно, что в указанной работе говорится о российском обществе, однако приведенный вывод может быть смело приложен ко многим постсоветским обществам.

¹⁹ Ниже мы излагаем основные выводы, к которым пришли в ходе украинского этапа исследования, цитируя распространенный КМИСом пресс-релиз.

украинские граждане негативно оценивают не только существующее неравенство в сфере доходов, но и неравенство в доступе к качественной медицинской помощи («только 13% расценивают как справедливую ситуацию, когда лишь лица с высоким уровнем дохода могут позволить себе более качественное медицинское обслуживание, тогда как 61% считают такую ситуацию несправедливой»), а так же, и тут украинские граждане оказались более эгалитарными, к качественному образованию.

В связи с приведенными данными хочется указать на проблему, которую обозначают в своем исследовании восприятия неравенства в разных странах В. Гимпельсон и Д. Трейсман (Gimpelson & Treisman, 2015): если даже эксперты и ученые часто спорят относительно того, насколько точно им удастся рассчитать уровень неравенства в обществе (а в случае постсоветских обществ эта проблема увеличивается многократно), то откуда простым людям знать, каково неравенство в том обществе, в котором они живут? Не получается ли так, что представления о неравенстве в обществе на самом деле никак не отражают фактического неравенства? Проведя сравнение показателей фактического неравенства, на основе данных Всемирного Банка, ООН, данных ОЭСР и других влиятельных организаций, с мнением людей относительно уровня неравенства в своей стране, Гимпельсон и Трейсман демонстрируют – эти два вида неравенства (фактическое и воспринимаемое) не совпадают. К примеру, статистические показатели могут говорить о том, что уровень неравенства в стране не очень высок, между тем как большинство

жителей считает неравенство, наоборот, чрезвычайно высоким. Либо же наоборот, значительное неравенство «не замечается» большинством. Так что никакой видимой каузальной связи между этими «неравенствами», как кажется, нет.

Хотя расчеты Гимпельсона и Трейсмана не всегда выглядят убедительными – в частности, в случае той же Украины берутся только официальные данные индекса Джини, без учета «теневоего коэффициента», то есть того, что значительная часть экономической деятельности находится вне официальной экономики, а это, как мы показали, существенно искажает картину, – с ними нельзя не согласиться в том, что политически значимо в первую очередь то, как реальность воспринимается, а не то, какова она на самом деле, что не так от объективной ситуации, как от восприятия зависит степень напряженности социальных конфликтов. Как отмечают Гимпельсон и Трейсман, «фактический уровень бедности слабо соотносится с уровнем напряженности между богатыми и бедными; но воспринимаемый уровень бедности является хорошим индикатором такого межклассового конфликта» (ibid., p. 3).

Но в указанном исследовании на лицо очевидная недооценка значимости фактического неравенства, полное игнорирование влияния которого представляется ошибочным. Наши представления играют важную, пожалуй даже во многих случаях ключевую, роль в той же политической сфере, в деле социальной интеграции или же, наоборот, дезинтеграции. Но эти представления не берутся ни от куда. Происхождение этих представлений Гимпельсоном и Трейсманом не

рассматривается (они видят это как будущую свою задачу), ими лишь в качестве гипотезы высказывается мысль, что на представление о неравенстве могут влиять социальная группа, к которой принадлежит индивид, средства массовой информации, отстаивающие какую-то позицию по вопросу о неравенстве или просто рассказывающие о других уровнях жизни (как правило, объектом интереса СМИ являются наиболее обеспеченные слои общества), идеология (тогда как консерваторы, как предполагается, склонны неравенство приуменьшать, считается, что социалисты ее преувеличивают), а так же стремление индивида позиционировать себя в качестве представителя какой-то социальной группы, что проявляется, к примеру, в том, что индивиды часто относят себя к представителям среднего класса, хотя фактически таковыми не являются (*ibid.*, p. 27). Но, опять-таки, любопытно, что Гимпельсон и Трейсман не рассматривают влияние ситуации фактического неравенства, как будто материальные условия существования не способны как минимум «подтолкнуть» индивида к оценке системы распределения как справедливой или несправедливой.

Йоран Терборн, чей мировой авторитет в сфере исследования неравенства сложно поставить под сомнение, одну из своих недавних книг удачно назвал «Убивающие поля неравенства» (Therborn, 2013). Терборн подчеркивает – неравенства убивают. Речь в данном случае не идет о некой аллегории. Терборн вполне обоснованно выделяет несколько измерений неравенства, одним из которых является витальное. Если бедные лишены возможности получать такую же медицинскую помощь, как и богатые, или если какие-то социальные

группы в обществе ограничены в доступе к еде или тем же медицинским услугам, то вероятность их ранней смерти достаточно высока, вне зависимости от того, считают ли в обществе, что качественного медицинского обслуживания достойны только наиболее обеспеченные, или же доминируют сторонники эгалитарного подхода и, соответственно, неравенство в этой сфере оценивается как несправедливое. Характер угроз, таких как смерть, горе, разочарование, с которыми тесно связано неравенство, делает его, как только с неравенством сталкивается индивид, зримым, а точнее было бы сказать – осязаемым на витальном уровне. Поэтому диаметрально противопоставлять фактическое и воспринимаемое неравенство, вряд ли обосновано (наше восприятие не является полностью «оторванным» от реальности), хотя политическую значимость, и тут действительно следует согласиться с Гимпельсоном и Трейсманом, имеет преимущественно восприятие неравенства.

То, какие политические последствия будет иметь это восприятие неравенства, что именно воспринимается как неравное (несправедливое), представляет собой уже другой вопрос. И тут важно принимать во внимание, что восприятие неравенства индивидом, и в этом моменте особых дискуссий среди исследователей нет, представляет собой результат, с одной стороны, его соотношения себя, своего социального положения с другими (со значимыми другими), а, с другой, непосредственно зависит от его представлений о принципах справедливости, а последние идеологически крайне чувствительны. Так, неравенство может осознаваться как некий онтологический

иерархический порядок, подавляющий (как касту неприкасаемых в Индии), но не несправедливый, либо как простая неизбежность, противодействовать которой не имеет смысла, ведь, как справедливо подчеркивает Терборн, идеология определяет не только что существует/не существует, что есть добро/зло, но и критерии возможности и невозможности (Aboim, 2014, p. 733). Поэтому для понимания политических и социальных последствий неравенства представляется необходимым добавить третье «измерение» к анализу этого феномена, помимо тех, что предлагают Гимпельсон и Трейсман. Следует принимать во внимание не только фактическое и воспринимаемое неравенство, но и действующие в обществе практики легитимации существующих неравенств, которые, кроме прочего, трансформируют объективно возникающий социальный протест, неизбежно вызываемый теми страданиями, которые порождают ограничения, связанные с неравенством, в политическое действие. Причем далеко не во всех случаях целью политических усилий оказываются преобразования несправедливой, по мнению большинства, системы распределения и перераспределения благ. Зачастую задача установления более справедливой системы распределения рассматривается как подчиненная по отношению к другой задаче – развитию демократии, национального государства и его суверенитета и так далее.

Задаваясь вопросом о том, почему тема борьбы с неравенством доходов не является сегодня приоритетной в политической повестке дня большинства западных стран (равно как и для постсоветских стран),

в которых концентрация капитала в руках узкой прослойки элиты ощутимо выросло в последнее время, Т.Пикетти, как представляется, предлагает неудовлетворительную версию ответа (См.: Traboulsi K., Abou Zaki R., 2016). По его мнению, экономический кризис 2008 года, в отличие от кризиса 1929 года, пришелся на период, когда правительства большие и влиятельные (тогда как в 1929 году правительства «были маленькие», то есть их роль была значительно ниже, чем сегодня²⁰), так что многие именно в этом факте, а не в дерегуляции рынка, видят основную проблему. Поэтому в наши дни мы и наблюдаем столь жаркие споры о кризисе и путях его преодоления. Иными словами, Пикетти фактически говорит о недостаточном понимании истинных причин кризиса, в следствие чего начинают бороться не с неравенством, а с излишней зарегулированностью рынка. Однако это слишком узкий ответ экономиста. Сам же Пикетти в цитируемом интервью говорит о том, что рост популярности правых – это результат неравенства. Но при этом вне его внимания остается вопрос, почему же мы в условиях роста неравенства наблюдаем очевидный «ренессанс» правых, а не левых, что было бы более логично.

В свою очередь, М.Манн, задаваясь вопросом о том, почему жители США не выступают против растущего неравенства, находит ответ в особенностях политической системы США, позволяющей, в частности, элитам формировать у граждан «ложные представления» о социальной мобильности (Mann, 2013, p. 343). Однако такое

²⁰ Как известно, 1920-е гг. – это период доминирования либеральной экономики с минимальным государственным вмешательством, которую впоследствии на долгое время заменила экономика, построенная на кейнсианских принципах.

объяснение выглядит явно недостаточным, поскольку проблема общественно-политического «игнорирования» экономического неравенства не является сугубо американской, в чем мы могли убедиться, а значит она и не может быть обусловлена сугубо внутриамериканскими причинами.

Так же не вполне исчерпывающе выглядит и пояснительная стратегия К. Крауча (Крауч, 2012), связывающего «странную не-смерть неолиберализма» с тем, что большую роль в современной экономике сохранили гигантские финансовые корпорации, которые, по его мнению, лишь усилились в результате кризиса 2008-2009 годов. Роль крупных корпораций действительно чрезвычайно значима в современном мире, пожалуй даже слишком значима, и их деятельность ставит под угрозу эффективное функционирование демократических политических институтов и практик, однако корпорации ограничены в своей возможности определять мотивацию людей, влияние осуществляется опосредованно, посредством поддержки определенной политики (и политиков) и позиций средств массовой информации. Это значимо, но, как представляется, не достаточно для того, чтобы детерминировать ключевые политические тренды в обществе.

В этом отношении интересной представляется позиция, представленная в книге Б. Милановича «Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации» (2016). Размышляя над проблемами, связанными со сформулированным Терборном вопросом

о том, почему борьба с экзистенциальным неравенством²¹ в современном мире успешнее, чем борьба с имущественным неравенством, Миланович констатирует: «капиталисты тоже знают, что экзистенциальное *равенство* в их интересах» (Milanovic, 2016, p. 228). По мнению этого эксперта Всемирного Банка, акцент именно на экзистенциальном неравенстве, во-первых, очень быстро трансформируется в политику идентичности, а значит и приводит к расколу социальных групп, которые бы в противном случае боролись за справедливость в сфере доходов и имущества, во-вторых, уводит внимание от основных вопросов, когда, к примеру, какую-то социальную проблему рассматривают под углом гендерной несправедливости (Миланович говорит о ситуации с проституцией), игнорируя тот факт, что в ее основе лежит имущественное неравенство, и, наконец, в-третьих, концентрация на экзистенциальном неравенстве предлагает поверхностное решение проблем, поскольку требование правового равенства подменяет собой требование более справедливого распределения доходов (*ibidem*). В результате достижение справедливости в распределении доходов и имущества так и остается нерешаемой задачей. Позиция Милановича выглядит обоснованной и достойной внимания поскольку демонстрирует, казалось бы очевидную, но недостаточно проговариваемую вещь, — в обществах с либеральной экономикой сегодня эффективно

²¹ В терминологии шведского социолога, это неравенство, которое базируется на принципе включения и/или исключения, примером чему выступают расизм или сексизм. Оно отличается от витального неравенства, таким как неравенство в продолжительности жизни, доступе к медицине, и ресурсного неравенства — распределения ресурсов, имеющих ценность в рамках конкретного общества, как, к примеру, нефть, питьевая вода.

поддерживается борьба с экзистенциальным неравенством (не только потому, что отвлекается внимание от других неравенств, но и потому, что правовое равенство в конце концов экономически выгодно в условиях свободного рынка), но игнорируются – и даже поддерживаются – иные сферы неравенства, борьба с которыми требует, как минимум, существенных корректировок экономической системы. Тот же Пикетти настаивает на необходимости «обуздания капитализма» путем введения прогрессивного налога на капитал, что позволит, по его мнению, сохранить силы конкуренции в экономике и при этом приведет к снижению неравенства доходов.

В случае постсоветских стран, таких, к примеру, как Украина, мы так же можем наблюдать в политической повестке дня приоритетность экзистенциальных проблем (проблем идентичности) и соответственно, рост популярности правых партий с их неизбежным в условиях существующего запроса на социальную справедливость социальным популизмом. В этом отношении украинская ситуация оказывается в целом соответствующей трендам, наблюдаемым сегодня в тех же странах ОЭСР, а в особенности в странах ЕС и конкретно – Восточной Европы. Господствующие в украинском обществе эгалитарные установки, наличие которых продемонстрировало уже упомянутое ранее исследование представлений о стабильности и справедливости в России и Украине, не является советским наследием, а отражает значимость ценности равенства в европейском проекте Модерна. Эта ценность остается базисной для европейского общества и сегодня. Например, если мы обратимся к данным опросов, проводимых

Евробарометром, то увидим, во-первых, что большинство граждан Европейского союза рассматривают «равенство», «социальную безопасность и социальное обеспечение», «дух кооперации и солидарности» как «драгоценное наследие XX века» (Ferrerra, 2005: 1). При этом опросы общественного мнения показывают, что жители ЕС выражают обеспокоенность уровнем неравенства (в данном случае речь идет о неравенстве доходов) и бедности. Так, по данным Евробарометра за 2010 год, в целом 88% граждан ЕС полностью или частично согласились с утверждением, что различие в доходах между людьми в их стране слишком большое, а по данным того же Евробарометра за 2011 год, 64% граждан ЕС заявили о том, что неравенство и бедность является проблемой для их стран (исключение составил Люксембург), причем наибольшее недовольство ситуацией выразили жители Южной и Восточной Европы (Греции, Венгрии, Латвии, Литвы и Румынии) (Employment., 67; Eurobarometer, 2011: 92–93). Причем европейцы основную ответственность за решение проблемы неравенства возлагают на правительства. Так, 85% опрошенных, по данным Евробарометра за 2010 год, полностью либо частично согласны с тем, что их национальные правительства должны обеспечить справедливое распределение благ (Employment., 67). Причем если рассмотреть ситуацию по странам (данные Евробарометра за 2009 год), то наибольшее число сторонников той позиции, что правительство должно сократить разницу в уровне доходов, приходится на Грецию и Венгрию (более 70% опрошенных), Латвию и Кипр (более 60%) (Tóth &

Keller, 2011: 27)²². Любопытно, что даже в такой стране как США мы можем наблюдать схожий эгалитарный тренд. Ведь согласно данным Pew Research Center, в США 65% опрошенных считает, что экономическая система их страны несправедлива, приносит выгоду только политически и экономически влиятельным (См.: Pew Research Center).

Как мы могли убедиться, украинское общество демонстрирует сходные ориентации, что говорит о значимости ценности равенства для граждан. Более того, сходно и понимание ответственности властей за рост неравенства. Показательны следующие цифры относительно Украины из цитированного нами ранее исследования КМИС и ISSP: 87% украинских граждан считают именно обязанностью власти обеспечить достойный уровень жизни «за счет уменьшения разницы между теми, кто получает высокие и низкие доходы». И поскольку украинцы в целом не удовлетворены существующей ситуацией, то наблюдается острый конфликт между большинством населения и элитой, фиксируемый и в ходе опросов. Так, среди украинских граждан «наличие острого и очень острого конфликта между богатыми и бедными отмечает 44% опрошенных... тогда как о наличии конфликта между средним и рабочим классом говорит только 13% респондентов». Но при том, что существующая система распределения и перераспределения благ воспринимается в целом как несправедливая, приносящая выгоды только ограниченной социальной группе, более того, при том, что

²² Более 50% сторонников указанной позиции в таких странах как, в частности, Литва, Эстония, Франция, Румыния, Италия.

социально-экономические проблемы объединяют все украинское общество, вне зависимости от региона проживания, возраста и типа поселения, политическая мобилизация – как показали политические потрясения 2004 и 2013-2014 годов – осуществляются на основании не столько экономических интересов, сколько культурных, идеологических и ценностных маркеров. Иными словами, вопрос идентичности (имеющий разные измерения, от языковой и религиозной, до геополитической) оказывается доминирующим над вопросом экономическим. Политическим следствием этой ситуации является то, что сегодня мы наблюдаем не отказ от либеральной экономической повестки и рост общественной поддержки левых партий, а общее для многих европейских стран, в первую очередь – стран Восточной Европы, усиление влияния правопопулитской риторики.

* * *

Равенство, в его политическом и социальном измерениях, является одной из базисных ценностей и нормативных идеалов европейского проекта Модерна. Наряду с требованием свободы, требование равенства определяло политические процессы Нового времени, а в особенности XX столетия, которое отличало сложная история взаимоотношений идеалов либерализма в экономической и политической сферах и социальной справедливости. Падение Советского Союза совпало с «неолиберальной революцией», в чем-то даже стало ее апофеозом, поэтому вполне логично, что экономические

и политические реформы на постсоветском пространстве задавались представлениями о безальтернативности либерального дискурса. Социальное расслоение, рост уровня бедности, конфликт между элитами и большинством населения – эти процессы сегодня отличают не только постсоветские страны, но и политически и экономически развитые государства ОЭСР, однако в первых они более выражены и имеют больше негативных социальных последствий, связанных, в частности, со стремительным разрушением социального гражданства. И вполне естественно, что как на постсоветском пространстве, в том числе и в Украине, так и в большинстве западных стран существует на данный момент высокий уровень неприятия существующей системы распределения и перераспределения благ, поскольку вопреки не подвергавшейся сомнению на протяжении десятилетий теории С.Кузнецца, свободный рынок не смог обеспечить такого уровня неравенства доходов, которое бы признавалось в обществе как справедливое.

Тем не менее, и этот парадокс особо отмечается социологами, политологами и экономистами, фиксируемое в ходе исследований недовольство ростом экономического неравенства не трансформируется в масштабное политическое требование социальной справедливости. Рост неравенства стал одним из факторов дестабилизации политических систем многих стран, но мобилизационным потенциалом неравенства, который традиционно задействовали левые политические силы, сегодня, как мы видим на примере «волны» правого популизма, используют их политические

оппоненты. Этому способствует то, что, с одной стороны, все еще остается влиятельным представление о том, что «прилив поднимает все лодки». А, с другой, то, что деструкция классовой идентичности привела если не к смерти (термин «смерть» представляется в данном случае достаточно категоричным, и мы предпочитаем его избегать, хотя до конца не уверены, что это стоит делать), то как минимум к существенному ослаблению классовой солидарности, а значит и политического субъекта, который бы мог системно отстаивать требование более справедливого распределения доходов, социальных благ в целом. Господствующие практики легитимации существующих неравенств (то, что не принимают во внимание Гимпельсон и Трейсман, и что следует учитывать, когда мы изучаем неравенство) обуславливают то, что на первый план выходят проблемы, связанные с экзистенциальным неравенством, борьба с которым, и тут можно вполне согласиться с Й. Терборном, сегодня действительно идет несравнимо успешнее, чем борьба за социальную справедливость. Доминирующий общественно-политический дискурс ориентирован на проблемы идентичности (например, в украинском варианте) или, более широко, проблемы гендерных, культурных, религиозных прав (в варианте стран Европы и Северной Америки).

Для Украины характерен кризис легитимации существующих неравенств и апелляция к политическому идеалу патерналистского государства. Этот патернализм, о котором широко говорят исследователи (зачастую ошибочно характеризуя его как наследие советских времен) возник отнюдь не случайно и его было бы

неоправданно рассматривать как форму ностальгии. Ведь, с одной стороны, он представляет собой реакцию разочарования на возможности либеральной рыночной экономики обеспечить приемлемое неравенство доходов (о том, что такое разочарование имеет место, свидетельствует, как минимум, выявленное в нами резкое изменение мнения значительной части населения по вопросу о равенстве доходов), а, с другой стороны, реакцией, обусловленной культурной традицией, на социальное расслоение. В обоих случаях Украина не диссонирует с трендами, наблюдаемыми сегодня в экономически и политически развитых странах, в особенности в странах Южной и Восточной Европы. А эти тренды связаны с ростом неравенства не только социального, но и, что крайне важно отметить, с кризисом демократической модели, с неравенством политическим.

В 60-х годах XX века Р. Даль, один из наиболее влиятельных теоретиков демократии, поставил вопрос: «в политической системе, где почти каждый взрослый человек может голосовать, но где знание, богатство, социальное положение, доступ к должностям и другим ресурсам распределены неравномерно, кто на самом деле управляет?» (Dahl, 1961: 1). Ответ, который дал тогда Даль, хорошо известен. Изучая то, как формируется и реализуется политика в городе Нью-Хейвен (штат Коннектикут), он пришел к выводу о том, что политическая власть широко рассредоточена, что есть много центров выработки и реализации решений, центров, сформированных на основе зачастую неформальных коалиций избранных и неизбранных лидеров. Но пришел бы Даль к такому же выводу в наши дни? Сегодня, после того,

как в результате экономической политики 80-х годов XX века западные общества продемонстрировали стремительный рост социального неравенства и, как следствие, политического неравенства? Вероятно, сейчас Даль дал бы уже другой ответ, ответ, связанный с констатацией того факта, что демократия выступает как система управления узкой группы элит, контролирующей производство и распределение ключевых ресурсов, которой противостоит «молчаливое большинство», как сами себя обозначают зачастую участники контрдемократических движений. Экономический либерализм привел к концентрации ресурсов в руках узкой элиты, что изменило и сам характер политической системы, привело к кризису демократии. Так что ориентация в политической и социальной деятельности на нормативный идеал равенства – это важнейшая задача, связанная с реализацией ценностей проекта Модерна. И эта задача сейчас стоит как перед развитыми, так и перед трансформирующимися постсоветскими странами.

Библиография

- Aboim S. (2014). The killing fields of inequality. Interview with Göran Therborn. *Análise Social*, 212 (3), pp.729-735
- Atkinson A. (2015). *Inequality. What can be done?* London, Cambridge: Harvard University Press.

Dahl R. (1961). *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven, CT: Yale University Press.

Dorling D. (2010) *Injustice. Why Social Inequality Persist*. Bristol: The Policy Press.

UNESCO (2016). *Education for people and planet: creating sustainable futures for all. Global education monitoring report 2016*. UNESCO Publishing

Eißeel D., Rokicka E., Leaman J. (eds). (2014) *Welfare State at Risk. Rising Inequality in Europe*. Heidelberg, New York: Springer.

Employment... (2011). *Employment and Social Developments in Europe 2011, November 2011*. Available at: <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=6176>

Eurobarometer (2011). *Special Eurobarometer No 370 report on "Social climate"*. October 2011. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_370_en.pdf

Inglehart R. (2016). Inequality and Modernization. *Foreign Affairs*, 1, pp. 2-11

Ferrera M. (2005). *The Boundaries of Welfare. European Integration and the New Spatial Politics of Social Protection*. New York: Oxford University Press

Gimpelson V., Treisman D. (2015). Misperceiving Inequality. *IZA Discussion Paper*. №9100. June.

Gini Indext. *Gini Indext (World Bank estimate)*. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=UA>;

- Lanker Ch. (2016). Global Inequality. The Implications of Thomas Piketty's Capital in the 21st Century. *World Bank Policy Research Working Paper*. 7776.
- Mann M. (2013). *The Sources of Social Power. Vol.4: Globalizations, 1945 – 2011*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Milanovic B. (2012). Global inequality: From class to location, from proletarians to migrants . *Global Policy*, 3 (2), pp. 125–134
- Milanovic B. (2016). *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge, London: Belknap Press of Harvard University Press.
- OECD (2011). *Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising*. OECD Publishing.
- Pew Research Center. *Most Americans say U.S. economic system is unfair, but high-income Republicans disagree*. Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/02/10/most-americans-say-u-s-economic-system-is-unfair-but-high-income-republicans-disagree>
- Rosanvallon P. (2016). How to Create the Society of Equals. *Foreign Affairs*, 1, pp. 16-22
- Stewart F. (2000). Income Distribution and Development. *High-level Round Table on Trade and Development: Directions for the Twenty-first Century. UNCTAD X*. Available at: http://unctad.org/en/Docs/ux_tdxrt1d1.en.pdf
- Stiglitz J. (2012) *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York, London: W. W. Norton & Company.

- Therborn G. (2013). *The Killing Fields of Inequality*. Cambridge: Polity Press.
- Traboulsi K., Abou Zaki R. (2016). *Thomas Piketty: Blame inequality for Trump and Arab Spring*. Available at: <https://www.alaraby.co.uk/english/indepth/2016/6/7/thomas-piketty-blame-inequality-for-trump-and-arab-spring>
- Tóth I.G., Keller T. (2011). Income Distributions, Inequality Perceptions and Redistributive Claims in European Societies. *GINI Discussion Paper 7*. Amsterdam: AIAS.
- UNCTAD. (2014). *Tackling inequality through trade and development in the post-2015 development agenda. Note by the UNCTAD secretariat*. Geneva, 15–26 September 2014. Available at: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/tdb61d7_en.pdf
- Walzer M. (1983) *Spheres of Justice. A Defence of Pluralism and Equality*. New York: Basic Books Inc.
- Watson W. (2015). *The Inequality Trap. Fighting Capitalism Instead of Poverty*. – Toronto, London: University of Toronto Press.
- WIID. *World Income Inequality Database*. Available at: <https://www.wider.unu.edu/project/wiid-world-income-inequality-database>
- World Bank. (2006). *Equity and Development: World Development Report 2006*. N.Y.: The World Bank and Oxford University Press.
- World Values Survey. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>

- Ильин В.И. (2014). Всемирный конгресс социологов: лицом к лицу с социальным неравенством. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 3 (74), с.186-197
- Крауч К. (2012). *Странная не-смерть неолиберализма*. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС.
- КМІС. *Міжнародна програма соціального дослідження (ISSP)*. Available at: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=293&page=2&t=6>
- Лібанова Е., ред. (2012). *Нерівність в Україні: масштаби та можливості впливу*. К.: Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи НАН України.
- Либанова Э. (2014). Неравенство в Украинском обществе: истоки и современность. *Экономика Украины*. 3 (620), с.4-19
- Медведев А.В., Горшков М.К., Красин Ю.А., ред. (2007). *Социальное неравенство и публичная политика*. М.: Культурная Революция.
- Пикетти Т. (2015). *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Тербонр Г. (2005). Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения. *Социологическое обозрение*, 4(1), с. 31-62
- Шевяков А.Ю. (2011). *Мифы и реалии социальной политики*. М.: Ин-тут соц.-эконом. проблем народонаселения РАН; ООО «М-Студио».

ПОЛИТИКА ПАРТИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РОСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖЕНЩИН В ГРУЗИИ

Эка Дарбаидзе

Институт политологии, Государственный университет Ильи

OCrid: 0000-0002-6919-9420

***Резюме.** Демократия требует того, чтобы в процессе принятия политических решений интересы женщин и мужчин были предусмотрены и согласованы в равной степени. Кроме того, участие женщин является одним из важнейших условий, обеспечивающих полное развитие страны, благоденствие и мир во всем мире. В процессе демократического государственного строительства Грузии чрезвычайно важно равное участие женщин и мужчин при принятии социальных и политических решений. Сегодня во многих государствах, в том числе и в Грузии, ведется работа для обеспечения большего политического представительства женщин. Несмотря на совместные усилия власти и гражданского сектора, а также проводимые мероприятия по ускорению этого процесса, темпы роста представительства женщин в политической жизни Грузии все еще остаются низкими.*

Основной целью данного исследования является изучение того, каково сегодня политическое представительство женщин в Грузии, насколько действующая в Грузии избирательная система способствует росту политического участия женщин; насколько мажоритарная система дает возможность женщинам быть представленными кандидатами на выборах, насколько работает принятая для политических партий т.н. норма финансовой надбавки на местных и парламентских выборах.

Несмотря на то, что в общественной жизни Грузии роль женщин значительно выросла, к сожалению, женское участие в политике все еще остается низким. Причина этого намного более сложна, нежели может показаться на первый взгляд. В процессе включения в политику женщины наталкиваются на политические, социальные, культурные и иные барьеры. Низкая политическая культура страны, гендерные стереотипы, недостаточность финансовых ресурсов, недостаточное освещение СМИ роли женщин в общественной и политической жизни. Политические, институциональные и экономические проблемы все еще ограничивают включенность женщин в процесс принятия решений и в целом в политическую жизнь. Когда речь идет о политическом участии женщин, прежде всего следует принять во внимание и рассмотреть существующую в стране избирательную систему, централизованные и патронажные системы формирования списков политических партий и номинирования кандидатов в представительные органы, а также непрозрачные механизмы выдвижения женщин в партиях. В Грузии политические партии характеризуются низким уровнем внутренней демократии, в них в основном доминируют мужчины, соответственно, правила политической игры и устройства партий маскулинного типа. Современный мир давно уже согласился с тем, что участие женщин в политике является одним из важных условий демократического развития любой страны. Без участия женщин невозможна разработка приемлемой для всех групп населения равноправной и справедливой политики. Очень сложно добиться равного политического участия женщин за счет естественного роста их представительства. Поэтому для ускорения этого процесса и ликвидации существующего в течение долгого времени неравенства необходимо вмешательство на законодательном уровне. Грузия входит в число тех стран, у которых в течение двух последних десятилетий показатель занятия женщинами управленческих должностей низок.

Финансовая поощрительная норма для политических партий, принятая в Грузии в 2011 году в целях повышения представительства женщин, оказалась неэффективной, поскольку не была использована ни

одной доминантной политической силой. К сожалению, эта норма никак не влияет на рост числа женщин в политике. Одним из наиболее эффективных средств роста политического участия женщин является временное мероприятие, известное как гендерная квота. Если гендерная квота правильно выбрана и подогнана к избирательной системе, она дает очень хороший результат в смысле роста участия женщин в политических процессах. В грузинском обществе существует требование увеличения числа женщин в политике, 70% населения считает, что число женщин в парламенте не должно быть менее 30%. Поскольку введенная для политических партий поощрительная финансовая норма не сработала, гражданское общество и международные организации рекомендуют введение гендерной квоты для гендерного баланса в политике. Ее целью является создание «критической массы» женщин (минимум 30%) для предоставления им возможности влиять на процесс принятия политических решений.

Гендерная квота не является единственным механизмом ликвидации гендерного неравенства в политике. Это механизм, который обеспечивает в течение определенного времени присутствие женщин в представительных органах страны. Наряду с гендерной квотой важно расширение женского движения, следует продолжить представление соответствующих рекомендаций по женской проблематике на государственном уровне и, что главное, с целью повышения уровня осведомленности общества, должна быть осуществлена большая просветительно-информационная компания с целью удовлетворения общественного требования видеть больше женщин в политике.

Ключевые слова: женщины в политике, гендерная квота, включенность женщин в политику, политическое участие.

Полная версия статьи доступна на английском языке.

НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ И СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЛАГЕРЕ ИНТЕРНИРОВАННЫХ ВОЙСК УНР СТШАЛКОВО (ПОЛЬЩА) В 1921-1922 гг.: ФОРМЫ И МЕТОДЫ

Игорь Срибняк

Киевский университет имени Бориса Гринченко

ORCID: 0000-0001-9750-4958

***Аннотация.** В статье раскрыты формы и методы мобилизационных акций в среде интернированных воинов-украинцев армии УНР в лагере Стшалково, заданием каких было их объединение и укрепление морального духа. Это стало возможным благодаря деятельности украинских лагерных культурно-художественных кружков и издательских обществ, а также путём организации силовых и легкоатлетических упражнений в лагере и вне его пределов. Национально-патриотическая и спортивно оздоровительная мобилизация украинских военнослужащих в лагере позволила сохранить военную организацию и кадровый состав армии УНР, а кроме того содействовала формированию в польском обществе позитивного видения украинцев-надднепрянцев, что в дальнейшем облегчило их социально-психологическую адаптацию в Польше.*

Ключевые слова: мобилізація, інтернірованні воїни-українці, лагерь, спорт, Стшалково, Польща.

Полная версия статьи доступна на украинском языке.